ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 35 (671)

Литературная газета

Среда, 30 июня 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Цена 30 коп.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОЧЕРЕДНОМ ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП(б)

На-днях закончился очередной Пленум ЦК ВКП(б). Пленум рассмотрел проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» и одобрил его.

Далее Пленум рассмотрел вопросы: а) об улучшении семян зерновых культур, б) о введении правильных севооборотов и в) о мерах улучшения работы МТС.

Пленум одобрил проект постановления СНК СССР о мерах по улучшению семян зерновых культур.

Внесенный Комиссией Наркомзема СССР и Наркомсовхозов СССР проект введения правильных севооборотов Пленум одобрил в основном для опубликования в печати и всестороннего его обсуждения с тем, чтобы вопрос рассмотреть вторично на следующем Пленуме ЦК.

Предложения НКЗ СССР об улучшении работы МТС Пленум передал, как материал, на обсуждение местных партийных и советских организаций.

Писатели и укрепление обороны

В ближайшие дни по требованию трудящихся социалистической страны будет выпущен Заем укрепления обороны Союза ССР.

Безгранична любовь советских народов к своей славной и несокрушимой родине. Безгранична любовь советского народа к непобедимой, крепнущей изо дня в день рабоче-крестьянской Красной Армии, отстоявшей в кровавых и грозных боях с российскими белогвардейцами и иностранными интервентами социалистическое отечество и готовой в каждую минуту ответить ударом на удар врага и громить его на его собственной территории.

Раскрытие и уничтожение банды шпионов-фашистов Тухачевского, Уборевича, Якира и др., пробравшихся в ряды нашей армии, усилило и укрепило оборонную мощь нашей Советской страны. В ответ на происки врагов социализма, в ответ на грязную подрывную работу продавшихся фашизму поджигателей войны — японо-германских шпионов, право-троцкистских диверсантов, вредителей и убийц, народы Советского Союза еще теснее сплачиваются вокруг ленинско-сталинской большевистской партии, вокруг ее Центрального Комитета и вокруг вождя, учителя и друга трудящихся мира — великого Сталина.

Славные сыны социалистической родины — рабочие и колхозники, служащие и интеллигенция — патриоты своего отечества. Резолюции и письма трудящихся, восторженно приветствующих постановление правительства о выпуске Займа укрепления обороны СССР, свидетельствуют о том, что заем будет размещен в самые короткие сроки и подпиской на заем будут охвачены все трудящиеся.

Велика популярность, неизменен успех советских займов у народов Советского Союза.

Свыше 50 миллионов держателей государственных займов в Советской стране. Это огромная цифра. Ни одно капиталистическое государство не может в своей займовой работе добиться таких успехов. Это естественно, ибо буржуазные государства прибегают к займам лишь для того, чтобы еще больше усилить эксплоатацию трудящихся, еще больше выжимать из них прибылей и сверхприбылей.

Средства наших займов идут на укрепление мощи социалистической державы, на укрепление обороноспособности Советской страны, на форсирование роста культуры и благосостояния трудящихся нашей страны. Держатель облигаций государственного займа, глядя на выстроенный вновь завод или рабочий клуб, глядя на здание новой больницы или школы, может с гордостью и удовлетворением сказать: «И мой рубль помог возникновению этих зданий, заводов, и мой рубль улучшил культурно-бытовое положение других трудящихся и мое собственное».

К размещению нового займа, Займа укрепления обороны СССР, следует подготовиться по-большевистски. Это важнейший политический шаг в жизни Советской страны.

Писательские организации, издательства обязаны принять все меры к тому, чтобы новый заем охватил всех писателей и всех работников издательств. Главную роль в этой работе должны сыграть профсоюзные организации, группкомы писателей.

Товарищи, работающие в комиссиях содействия госкредиту, должны усвоить основной принцип размещения Займа укрепления обороны Союза ССР — добровольность. Советские писатели — инженеры человеческих душ — несомненно, выполнят свой долг перед родиной и все, как один, подпишутся на заем.

Но, как правильно пишет сегодня в нашей газете т. Павленко, долг патриота советской родины перед нашей армией не исчерпывается подпиской на Заем укрепления обороны СССР.

Каждый трудящийся крепит обороноспособность социалистического отечества хорошей работой на своем участке. Писателем, выполнившим свой долг перед родиной, является тот, кто своими произведениями формирует патриотические чувства гражданина социалистической родины, кто создает образы героических людей Советской страны. Оборонными мотивами должно быть проникнуто каждое произведение советского писателя. Нам нужно создать могучую оборонную, военную литературу, воспитывающую миллионы советских людей.

Обращение советских художников, опубликованное в прошлом номере «Л. Г.», в котором московские художники, скульпторы призывают советских писателей активно включиться в работу по созданию оборонных произведений, нашло широкий отклик среди советских писателей.

Социалистическая страна подходит к двадцатилетию своего существования. К двадцатилетию Великой пролетарской революции писатели работают над произведениями, в которых будут отражены величие и мощь Советской страны, в которых будут созданы образы мужественных и бесстрашных сынов социалистической родины.

А. М. Горький говорил, что ни одна эпоха не давала такого исключительного богатства тем, образов, сюжетов, какое дает наша действительность работнику искусства: писателю, художнику, актеру, архитектору и т. д.

Только последний месяц принес большое количество удивительных событий. Таков полет на Северный полюс эскадрильи тяжелых кораблей во главе с Героями Советского Союза Шмидтом, Водопьяновым, Молоковым, Мазуруком и другими, таков беспосадочный перелет в США.

На дрейфующей льдине, в самом сердце северного полярного бассейна, возникла научная станция «Северный полюс», где отважная четверка смелых и самоотверженных советских людей проводит научные работы, к которым веками стремились лучшие люди мира.

Чкалов, Байдуков и Беляков на краснокрылой птице «АНТ-25» сделали невиданный в истории человечества прыжок из Восточной Европы в Северную Америку — через Северный полюс.

Эти люди рождены социалистической революцией. Они, по выражению т. О. Ю. Шмидта, являются слепком со многих тысяч сынов нашей родины. Каждый из них по первому зову партии и правительства готов отдать свою кровь, свою жизнь за нашу страну, растущую и крепнущую под солнцем Сталинской Конституции.

Об этих людях наши писатели должны рассказать. Их мысли и чувства, их поступки и героические дела надо воплотить в художественные образы такой силы, такого накала, чтобы они жгли, звали, волновали читателя так, как волнует его бесстрашие и мужество полярников, бойцов Красной Армии.

Мы должны создавать такие книги, такие образы, чтобы читатель, прочитав произведение и познакомившись с его героями, сказал бы: я хочу быть таким, как герои, созданные художником.

Это — долг писателя перед родиной.

Да здравствует страна чудес!

Со всех концов Советского Союза, из далеких республик и областей, приходят ежедневно сотни горячих приветствий отважным сынам нашей родины, принесшим новую славу великой Стране Советов.

Редакцией «Литературной газеты» получено множество поздравлений от союзов советских писателей братских республик, от издательств, редакций журналов, литературных и читательских кружков, библиотек, персональные приветствия от писателей, редакторов, журналистов, работников печати и т. п.

Сотрудники Государственного издательства Советской Энциклопедии приветствуют Героев Советского Союза, завоевавших Северный полюс, и отважную тройку, совершившую беспосадочный перелет Москва — Северная Америка:

«Вместе со всеми советскими патриотами мы испытываем чувство огромной гордости: новую эру в истории покорения природы человеком открыл СССР... Да здравствует наша могучая родина — страна чудес».

Писатели приветствуют решение правительства о выпуске займа укрепления обороны СССР

П. ПАВЛЕНКО

Все наши помыслы и все силы родине

Выдвинув идею займа укрепления обороны СССР, железнодорожники нашли одну из практических, деловых форм советского патриотизма.

Эта идея с энтузиазмом подхвачена всей страной. Новый заем дает возможность каждому трудящемуся Советского Союза не только на словах, но и на деле показать свое отношение к троцкистским поджигателям войны, к шпионам гестапо, к врагам народа, подкапывавшимся под могущество советского государства.

Заем укрепления обороны СССР будет — это чувствуется по откликам с мест — одним из самых могучих, решительных и ярких проявлений любви и преданности советских народов к своей власти и своей партии.

Заем — лишь одна из форм укрепления обороны СССР, но не единственная, и одною ею ограничиваться нельзя. Мы должны искать, каждый в своем деле, новых и новых прекрасных линий укрепления обороны родины.

Любовь без дел мертва, и сейчас хочется делать много, работать без устали, отдавая все помыслы и все силы родине.

Будет великой гордостью для каждого помочь быстрому и эффективному проведению займа.

Но еще, еще дел!

Таких же всенародных, об'единяющих в одном порыве не сотни и не тысячи, а миллионы честных советских патриотов.

Патриотизм — любовь высокая, это путь долга, а он всегда — путь чести, и для нас, писателей, сейчас нет более почетной и ответственной задачи, чем поиски дел для выявления чувства любви к своей социалистической родине.

Все мы хотим делать, строить, осуществлять свои чувства практически, включить их в живую жизнь, а не просто носить в душе, и кому же, как не нам, писателям, принадлежит сейчас одно из передовых мест в формировании и развитии могучего патриотического порыва советских народов?

Хетагурова нашла свою форму — массового движения девушек на Дальний Восток. Знатные стахановцы добиваются все более высоких уровней выработки. Ударники колхозов обязуются быстро и чисто убрать замечательный урожай этого года.

Что можем обещать стране и дать ей мы, писатели?

Наше дело — дать книги идей и характеров, дать стране книги, которые по глубине и обширности чувства звучали бы, как написанные самим народом.

Жизнь пред'являет нам, писателям, к оплате счет, и мы не можем отмахнуться от него. Пути нашей литературы, а следовательно, и наши собственные пути, лежат сейчас на меридиане эпоса, на линии великих народных тем.

Многое из того, что еще вчера казалось первоочередным в наших творческих планах, сегодня может подвергнуться нашей переоценке и отодвинуться в сторону, давая место темам большей глубины, большей силы и более яркого оптимизма.

Нужны книги простые и могучие, как заем укрепления обороны, о которых каждый читатель сказал бы, что он — их соавтор, потому что здесь заложены **его** чувства, **его** энтузиазм, **его** дела.

Нам надо открыть свой заем—заем энергии и сделать этот год, являющийся годом двадцатилетия советской власти, годом народных книг, глубоких пьес и хороших песен, — это будет производственная форма нашего патриотизма.

Тот, кто не будет работать сейчас, никогда не оправдает своего творческого молчания.

Б. РОМАШОВ

Мощный отклик советского народа

Наша доблестная Красная армия, самая молодая и самая сильная армия в мире, стоит несокрушимым оплотом на страже интересов мира и справедливости. Каждый из нас чувствует себя ее бойцом, готовым в любую минуту, по первому призыву правительства и партии, отдать свои силы, свое умение, свои знания на защиту родной земли.

На наших глазах лучшие люди советского народа совершают поистине чудесные дела. Каким восторгом наполнилось сердце каждого гражданина Страны советов, когда разнеслась весть о завоевании Северного полюса нашими героическими летчиками. Водопьянов, Шмидт, Молоков, Мазурук, Алексеев, Головин, Бабушкин с неслыханным мужеством и большевистским бесстрашием совершили то, о чем мечтали люди с незапамятных времен. Эта мечта совершилась. Какую огромную услугу оказали всему человечеству смелые покорители природы!

Северный полюс — наш. Неустрашимые зимовщики во главе с Папаниным ведут научные работы в лаборатории среди вечных льдов. Разве это не прекрасно!..

Стремление к подвигу становится новым чувством советского человека.

Но как оценить тот беспримерный в истории воздушных завоеваний перелет, который на одномоторном самолете в течение шестидесятитрех часов совершили Чкалов, Беляков и Байдуков из Москвы в Северную Америку? Его значение всем миром признано историческим. Фантазия не может нарисовать того, что могут совершить молодые советские летчики...

Привет им, могучим и бесстрашным!

Только пламенная любовь к своей стране, к своему народу, к партии и великому Сталину способны пробуждать такой энтузиазм, такую великую силу человека... Эта сила неисчерпаема.

Пусть злобствуют мрачные силы фашизма. Им никогда не удастся поработить наш мир!

Заем укрепления обороны СССР— мощный отклик народа в ответ на гнусные происки врага.

С чувством глубочайшей радости я присоединяю свой голос к этому замечательному и мощному отклику советского народа.

Н. ПОГОДИН

Простые вещи

Враг бьет умело и рассчитано. Это мы видим. Но мы видим и другое. Несмотря на весь свой опыт организации ударов из-за угла, предательства, диверсии, «войны во тьме», он не понимает самых простых вещей, понятных каждому из нас.

Почему книгу Андре Жида о Советском Союзе так подхватили и так радостно понесли фашисты? Тут дело не только в том, что Жид написал позорный контрреволюционный вздор и очутился в рядах клеветников на нашу действительность. Клеветы о нас написано гораздо больше, чем правды.

Причина особенной радости фашистов заключается в том, что Андре Жид попал в плен самых диких, самых ничтожных иллюзий, которые когда-либо существовали у людей — иллюзий пошлого мещанина, который хочет об'яснить мир.

Он по-своему видит вещи. Он привык к жульничеству. Он воспитан на обмане и подлоге. С глубокой ненавистью, с кровным отвратительным недоверием он смотрит на мир и ко всему, что бы ни случалось в этом мире, он приноравливает свою философию обманутого мошенника.

Андре Жид выразил именно эти качества, эти нормы умозрения в отношении к нашей действительности, он помог врагу, вдохновил его на действия.

Патриотизм... Для данного понятия есть определенная норма. Всем известно, что в буржуазных странах это — только демагогия, только фраза, что истинное зерно патриотизма давно украдено, растоптано, уничтожено в буржуазной действительности. Берется такая «норма» и применяется к нашей действительности. Как-нибудь выше мелкий буржуа подняться не может, ибо тогда он должен выпрыгнуть из самого себя, чего на свете не бывает. И вот он отрицает факт существования десятков миллионов советских патриотов.

У нас нет **вашего** патриотизма, господа. Если иного патриотизма вы себе не можете вообразить, то вам остается питаться своими иллюзиями. Фраза у нас не имеет никакого значения. Она попросту ненужна.

Наш патриотизм это — действие. На удар врага мы отвечаем определенным действием. Сегодня это будет Заем укрепления обороны. Мы отдадим государству столько средств, сколько будет ему нужно для нового, еще более мощного укрепления нашей родины. Об'ясняйте это себе, как вам будет угодно. А мы попросту парализуем удар врага, отлично понимаем, что делаем.

Государство это — мы. Мы родину обрели для себя. Источник нашего счастья — наша родная земля. Мы неустанно возделываем и украшаем ее. Наши первые пятилетки это фундамент для будущего, какого не знало человечество. Наш патриотизм далек от алчности. Мы гордые люди. Советская родина — наша гордость.

Мы черпаем свои силы в организации. С нами ничего не сделаешь по принципу «разделяй и властвуй». Я не отделяю себя от красноармейца-пограничника, который в эту минуту стоит в дозоре, где-нибудь на Дальнем Востоке, как и он не отделяет себя от меня. Мы — единый стосемидесятимиллионный коллектив.

Вы не допускаете, что это так может быть. Не надо, не допускайте.

Большевизм давно стал содержанием жизни лучших людей нашей страны. Большевики партийные и непартийные это — цвет страны, это лучшие в среде рабочих, колхозников, литераторов, художников, интеллигенции. Непартийный большевик — стало народным понятием. Этот человек черпает свои основания для патриотизма в учении партии Ленина — Сталина.

Трудно все это понять врагу. Думаю — невозможно. Он будет действовать как умеет и неизбежно сломает себе шею, ибо на каждый его удар мы ответим таким сокрушительным ударом общей воли и силы, какого он себе не мыслит.

Сегодня мы все подымаем руки за Заем укрепления обороны и еще раз говорим врагам: помните, что государство — это все мы.

Д. БЕРГЕЛЬСОН

Заем бодрости

Я чувствую особый под'ем любви к нашей стране.

Эта любовь вызвала среди широких масс трудящегося населения мысль о выпуске займа укрепления обороноспособности СССР.

Заем укрепления обороны СССР— это заем бодрости и радости, яркое свидетельство веры широких народных масс в мощь нашей любимой Красной Армии.

Он говорит о нашей бдительности и спаянности вокруг партии Ленина — Сталина.

Всенародное требование выпуска займа — это голос процветающей жизни в социалистической стране, границы которой неприступны.

ДЖЕРМАНЕТТО

ЗАЙМОМ КРЕПИТЬ ОБОРОНУ

Страж пролетарской диктатуры — НКВД разоблачил банду шпионов и диверсантов, предававшую социалистическую родину и героическую Красную армию.

Расстрел по приговору Верховного суда изменников, продавшихся фашистам, говорит о мощи диктатуры пролетариата, руководимого партией Ленина и Сталина, и является актом защиты мира от фашизма, насилующего Испанию и провоцирующего войну.

Сомкнемся теснее, чем когда-либо, вокруг нашего любимого вождя товарища **Сталина!** Активным участием в займе обороны будем крепить мощь Красной армии!

В. ИНБЕР

Моральная мощь страны

Заем укрепления обороны это не только материальное увеличение нашего оборонного фонда и, следовательно, укрепление оплота всеобщего мира, — это еще и демонстрация величайшей моральной мощи страны.

Это ответ тем, кто извне или изнутри, явно или тайно, посягают на нашу родину.

Продолжение см. на 2-й стр.

СОВЕТСКИЙ ФЛАГ РЕЕТ НАД СЕВЕРНЫМ ПОЛЮСОМ.

Рисунок А. Огорелкова.

НАГРАЖДЕНИЕ ГЕРОЕВ

Семья героев Советского Союза пополнилась славными именами **О. Шмидта, И. Спирина, М. Шевелева, И. Папанина, А. Алексеева, И. Мазурука, П. Головина и М. Бабушкина.**

М. Водопьянов и **В. Молоков** награждены вторым орденом Ленина.

Щедро награждены и все остальные участники легендарной экспедиции на Северный полюс — пилоты, штурманы, научные сотрудники, борт-механики, журналисты и др.

Советское правительство, партия Ленина—Сталина умеет ценить доблесть благородных сынов народа, умеет выражать в своих постановлениях чувства и настроения всей нашей социалистической родины.

Страна гордится своими героями, не знающими никаких препятствий в борьбе с силами природы; страна восхищается отвагой людей, воспитанных партией, готовых на любые жертвы во имя патриотического долга; страна видит в каждом их новом подвиге подтверждение своей силы, своего могущества, подтверждение своей уверенности в том, что дело защиты нашей независимости, нашей свободы, Сталинской Конституции находится в надежных руках.

Водопьяновы и Молоковы, Шмидты и Папанины у нас не исключение.

Мы не знаем героизма одиночек. СССР — первая и единственная в мире страна, где героизм стал массовым явлением. Корни его — в том строе, который обеспечивает всем гражданам право на труд, право на творчество.

Такие эпопеи, как спасение челюскинцев, завоевание Северного полюса, трансполярные перелеты в Северную Америку показывают всему миру, какие изумительные человеческие резервы имеются в Советской стране и куда направлена их воля, их мужество, их чаяния и мечты.

Какая пропасть отделяет этих людей от фашистских каннибалов, уничтожающих культурные завоевания человечества, от троцкистских убийц и диверсантов, ведущих подлую и предательскую «работу» против социалистической страны!

Но никакие происки гнусных врагов не страшны счастливым и сильным народам Советского Союза.

На страже интересов нашей великой страны стоит партия во главе с непоколебимым и зорким вождем Сталиным, на страже благополучия трудящихся стоят тысячи и десятки тысяч Водопьяновых, умеющих побеждать не только природу, но и вооруженного врага.

Миллионные массы СССР уверены в этом — и выражением этой уверенности явилось постановление ЦИК СССР о награждении участников полярной экспедиции.

К. ФЕДИН

Учиться настойчивости и отваге!

Прошлым летом я назвал первый перелет Чкалова и его двух великолепных спутников уроком высших человеческих качеств. Я думал, что все мы, люди разнообразных профессий и занятий, старые и молодые, должны учиться на примере Чкалова настойчивости, отваге, любви к своему делу.

Я думал, что если бы все мы относились к работе с такою честностью и таким воодушевлением, как Чкалов и его друзья, наши успехи в великих и малых делах были бы необ'ятны.

Нынешний год является историческим годом рекордов СССР. Советская авиация продолжает итти вперед. Завоевание Северного полюса, а затем беспосадочный перелет Чкалова, Байдукова и Белякова в Соединенные штаты Америки через Северный полюс есть вершина ее образцовых достижений.

Мы начинаем оставлять позади себя страны, которые считались учителями летного искусства и авиостроения.

И теперь в этом уже нет ничего удивительного: выковался новый — советский — характер, новый человек, воля которого к действию непреодолима, стремление которого к победе непрестанно, любовь которого к своей родине не знает границ.

Остается пожелать, чтобы все области деятельности в нашей стране имели основание быть гордыми и счастливыми, как советская авиация.

Великое же дело Чкалова, Байдукова и Белякова будет прославлено в веках и во всех странах света, потому что они первые соединили две части света, сурово раз'единенные самой природой

Писатели приветствуют решение правительства о выпуске займа укрепления обороны СССР

Начало см. на 1-й стр.

Ленинградские писатели примут самое активное участие в размещении нового займа

ЛЕНИНГРАД. **(По телеграфу).** Правление Ленинградского отделения союза советских писателей приветствует решение правительства о выпуске займа укрепления обороны СССР.

Разоблачение и уничтожение банды шпионов и предателей — сокрушительный удар по фашистским поджигателям войны. Новый заем, выпущенный по воле миллионов граждан Советской страны, сделает наши границы еще более неприступными, будет сокрушена и уничтожена всяческая фашистская нечисть, которая попытается помешать мирному, созидательному труду советских народов, социалистическому творчеству, расцветающему под нашим солнцем.

Правление ленинградского отделения союза советских писателей уверено, что ленинградские писатели примут самое активное участие в размещении нового займа.

М. СЛОНИМСКИЙ

Великолепные победы одерживают сыны нашей социалистической родины Вчера они осуществили мечту человечества, завоевав Северный полюс Сегодня они прошли над полюсом неприступности, связав кратчайшим путем Советский Союз и Америку. Мы приветствует новых героев Советского Союза, чьи подвиги поистине легендарны.

Безнадежны попытки предателей, шпионов, наймитов фашизма поколебать мощь нашей страны.

Новый заем укрепления обороны СССР выпускается по воле народа, по воле каждого из нас. И мы, советские писатели, должны быть в первых рядах подписчиков на этот заем, который еще более укрепит могущество страны Советов.

Ленинград. По телеграфу.

А. ПРОКОФЬЕВ

Нашу великую землю омывают моря и океаны. Создадим мощный военный флот!

Над нами — бескрайнее советское небо. Увеличим число наших боевых самолетов до предела, увеличим размах их крыльев, силу мотора, скорость, поднимем еще выше их потолок!

Мы живем на прекраснейшей из всех земель — на земле нашей социалистической родины. Закуем в броню ее границы, сделаем неприступными для врага наши города, селения, леса и долины.

Самой сильной, самой могущественной в мире державой будет наша страна! Самым высоким — ее небо! Самыми неприступными — ее моря и земли!

Новый заем — это наша грядущая победа!

Новый заем — это удар по фашизму! Новый заем — это слава и расцвет нашей родины.

Ленинград. По телеграфу.

О. ФОРШ

Нам надо быть бдительными! Нам надо быть готовыми в любую минуту встать на защиту всеобщего дела мира против развязанных фашизмом сил войны.

Наша родина защищает дело мира И мы, ее граждане, желаем стать активными участниками этого великого дела.

Горячо приветствую заем укрепления обороны, дающий нам эту возможность.

Ленинград. По телеграфу.

Радостно встречаем заем укрепления обороны СССР

Отчетно-перевыборное собрание членов группкома писателей при Госпитиздате в своей резолюции по докладу т. Ф. В. Гладкова заявляет:

— Всяческие происки врагов, всякие наскоки гнусных слуг гибнущего капиталистического мира еще больше мобилизуют нас на преодоление сопротивления классово враждебных сил!

— Мы все до единого отдадим свои силы и свою жизнь за великое, бессмертное дело величайших вождей человечества — Ленина и Сталина.

— Усилим, удесятерим нашу бдительность, нашу зоркость и настороженность к гнусным проискам подлых врагов народа!

— Собрание единодушно просит правительство выпустить возможно скорее заем укрепления обороны, чтобы сделать еще более сильной и неприступной нашу социалистическую родину.

★

— Каждый из нас, кому дорога наша социалистическая родина, кому дорого все то, что завоевано в героической борьбе и закреплено Великой Сталинской Конституцией, хорошо понимает значение займа укрепления обороны, — подчеркивает в своем письме в «Л Г.» **редактор Госпитиздата т. Ю. Лукин.**

С огромной радостью мы отдадим государству свои сбережения.

Вместе со всеми трудящимися нашей страны **мы просим правительство скорее выпустить и скорее реализовать** заем укрепления обороны.

★

Совет жен московских писателей горячо поддерживает предложение железнодорожников о выпуске займа укрепления обороны СССР.

— Мы с радостью встретим выпуск этого займа, — говорят жены писателей, — с готовностью внесем свою долю.

— Наши общественницы должны помочь нам провести подписку на заем укрепления обороны Советского Союза.

★

На митинге сотрудников издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», посвященном займу укрепления обороны СССР, выступавшие приветствовали решение правительства о предстоящем выпуске займа.

— Мы берем на себя обязательство реализовать заем в наикратчайший срок и добиться стопроцентного охвата сотрудников издательства и писателей, об'единенных группкомом при «Молодой гвардии».

★

Поэт Арго пишет в «Литературную газету»:

— Все, кто дорожат построенным и завоеванным —
подпишутся на заем!
— Все, кто ненавидят фашистскую гниль —
подпишутся на заем!
— Все, кто хотят светлой и радостной жизни для себя и для своих детей, —
подпишутся на заем!

Заем укрепления обороны СССР — достойный ответ шайке троцкистских бандитов

Коллектив Детиздата ЦК ВЛКСМ вместе со всей великой Советской страной присоединяется к требованию московских железнодорожников о выпуске займа укрепления обороны СССР

Враги человечества — международные фашистские бандиты — мечтают превратить нашу счастливую социалистическую родину в фашистскую колонию. Они хотят превратить снова в рабов свободные народы Советского Союза, добившиеся под руководством ленинско-сталинской партии новой, счастливой жизни.

Гнусная троцкистско-бухаринская падаль вместе со своими хозяевами из фашистского застенка готовила удар в спину нашей родине. С помощью от'явленнейших негодяев, предателей из шайки Тухачевского и К° они рассчитывали избежать сокрушающего удара нашей Красной армии.

Но злодейский замысел раскрыт. Славная советская разведка сумела разгромить шпионов, раскрыла все карты фашистских штабов и охранок. Вся наша великая страна еще больше сплотилась вокруг своей коммунистической партии, вокруг товарища Сталина.

Враг пытался с помощью своих наймитов дезорганизовать нашу оборону. Его ставка оказалась битой. Советская страна ликвидирует последствия вредительства. Займом укрепления обороны СССР мы достойно ответим гнусной фашистско-троцкистской шайке.

Горячо приветствуя решение правительства о выпуске займа укрепления обороны СССР, мы заявляем, что в нашем коллективе не найдется ни одного человека, который бы не подписался на новый заем.

Мы творим свободные и уверенные

Писатели Советской Украины о займе укрепления обороны СССР

То, о чем человечество мечтало на протяжении веков, мы победоносно осуществили, подняв советское знамя над первым поселением на Северном полюсе. То, что казалось невозможным, мы осуществили, и впервые в истории человечества пролетели через полюс на другое полушарие.

Какой размах крыльев творческого духа! Какое страстное большевистское стремление достигать, побеждать. И в то же время — какая высокая большевистская организованность, какой под'ем нашей науки и техники!

Мы творим свободные и уверенные, смелые и мужественные, полные сталинского воодушевления, мы горды нашими успехами, каждодневно утверждаем себя как творцов, верим в гений нашего народа, в гений партии, глубоко любим свое отечество и нашего великого вождя.

Враг беснуется от злости, прибегает к подлейшей маскировке, двурушничеству, организует диверсии и шпионаж, чтобы подорвать наше единство и мощь. Мы раздавили фашистских бандитов, имена продажных изменников навеки покрыты позором. Они хотели отдать фашистам ключи от наших границ. Но ключи от нашей страны, от ее сердца, находятся в надежных руках, в руках вождя всех трудящихся — великого Сталина. Никогда, никому их не удастся взять.

Писатели Советской Украины, вместе с многомиллионным советским народом, с радостью примут участие в укреплении обороноспособности нашей солнечной родины.

Голосуем за скорейший выпуск нового займа!

Сделаем еще более неприступной твердыню мирового коммунизма — Советскую страну.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ.

Свердловские писатели горячо поддерживают предложение передовых железнодорожников о выпуске займа укрепления обороны СССР

Пусть этот заем будет должным ответом советского народа всем врагам социализма — фашистским наемникам, шпионам, диверсантам — троцкистам-бухаринцам и прочим озверелым бандитам. Пусть все враги знают, что великое народное движение к коммунизму, руководимое великой партией Ленина — Сталина, непобедимо.

Среди свердловских писателей новый заем будет размещен с большим успехом.

По поручению свердловских писателей

И. ПАНОВ
А. ЛАДЕЙЩИКОВ

Коллектив еврейской секции писателей Узбекистана присоединяется к предложению железнодорожников о выпуске займа укрепления обороны СССР. Помимо активного участия в подписке на заем еврейские писатели решили отчислить часть гонорара за свои новые произведения в фонд обороны страны. Несколько писателей посылаются секцией в колхозы для раз'яснения значения нового займа.

Пусть трепещут фашистские своры, пуст знают они, что никогда их грязные сапоги не ступят на нашу цветущую социалистическую родину.

Мы призываем все национальные секции союза писателей СССР принять самое активное участие в подписке и распространении нового займа, который поможет нам еще больше укрепить нашу счастливую родину.

По поручению еврейской секции писателей Узбекистана

АКИМОВ, А. САИДОВ.

ПОМОЖЕМ ПРОВЕДЕНИЮ ПОДПИСКИ

В управлении по охране авторских прав

Директор управления по охране авторских прав т. **Осипов** сообщил нам:

Огромное значение займа обороны сознается всеми авторами, которые ждут возможности выполнить свой священный долг перед родиной.

Огромный под'ем советского патриотизма, охватившего всю нашу страну в ответ на подлое предательство кучки фашистских негодяев, — лучшая гарантия абсолютного успеха займа укрепления обороны СССР.

Новое бюро правления ЛенССП

ЛЕНИНГРАД, 29 июня **(по телеграфу от наш. корр.).** Вчера состоялось первое заседание вновь избранного правления Ленинградского отделения союза советских писателей Тайным (закрытым) голосованием избран секретарем правления **Н. Тихонов** (1-й секретарь), **А. Шабанов** (2-й секретарь) и **И. Цильштейн, М. Слонимский и Б. Лавренев** (члены президиума). На том же заседании утверждено новое правление Ленинградского отделения Литфонда, в которое вошли: **В. Шишков** (председатель), **М. Зощенко, Н. Брыкин, С. Семенов, А. Гитович, И. Хаскин** (директор Ленинградского Литфонда) и **С. Розенфельд.**

Отчет о выборном общем собрании ленинградских писателей см. на стр. 5.

И. ЛУППОЛ

Жан-Жак Руссо

225 лет со дня рождения

Жан-Жак Руссо представляет собою одну из крупнейших фигур французского просвещения XVIII века, т. е. того общественно-политического и литературно-философского движения, под лозунгами которого французская буржуазия шла в XVIII столетии на штурм абсолютистско-феодального строя.

Во главе просветительного движения уже к середине XVIII века стала французская буржуазия, оказавшаяся гегемоном освободительного движения всего бесправного «третьего сословия».

Основными противниками этого возглавляемого революционной буржуазией третьего сословия, а по существу, всего французского народа, были, на языке того времени, «тирания и фанатизм». Боролся же народ за «свободу и равенство» против «рабства и привилегий». «Тирания» означала абсолютизм, самодержавие королевской власти, «фанатизм» — мракобесное и кровожадное господство католической церкви (в XVIII веке еще не редки были случаи сожжения еретиков), «рабство» — бесправие народа, феодальные повинности для одних и феодальные привилегии для других.

Однако в этом общем русле освободительного движения французского народа, в общем русле «французского просвещения», памятником которого навсегда останется «Энциклопедия» Дидро, нетрудно видеть различные идейно-политические и философские группы. Так, например, Вольтер представляет собою наиболее умеренную в политическом смысле группу французского просвещения. С необычайной силой своей язвительной насмешки и ядовитого сарказма нападая на церковь, Вольтер отстаивал деизм разума; выступая против деспотизма, он не шел дальше буржуазно-дворянского либерализма, ограничения королевской власти на английский манер.

Наиболее непримиримой к абсолютизму фигурой французского просвещения является «женевский гражданин» Жан-Жак Руссо. Это — законченный республиканец XVIII века, идейный вождь трудовой мелкой буржуазии, городских плебейских масс.

Вольтер живал в гостях у «просвещенного деспота» Фридриха II Прусского и был постоянным корреспондентом Екатерины II. Дидро был ослеплен этой «северной Семирамидой». В плену у «северного Соломона», Фридриха II, оказался и другой французский материалист Ламеттри. Но Жан-Жаку Руссо были заказаны пути и в Пруссию, и в Россию — «просвещенные самодержцы» прекрасно понимали, что в его лице они имеют противника принципиального, противника абсолютизма, как государственной системы, противника, не делающего никаких скидок ни на «просвещенность», ни на обольстительность.

Классовая близость Руссо к тогдашней трудовой мелкой буржуазии, к народу в целом сделала его наиболее острым политическим и социальным противником и критиком как уже прогнившей абсолютистско-феодальной системы, так и надвигавшегося капиталистического строя. Если говорить о крупнейших представителях просветительского освободительного движения, то именно Руссо, больше чем кто-либо, чувствует уже тяжелую поступь Джагернаутовой колесницы капитализма. Не случайно поэтому, что именно из школы Руссо вышли первые французские утописты-социалисты XVIII века — Мабли и Морелли. Руссо больше, чем кто-либо из французских просветителей, чувствует свободу, как неот'емлемое право человека.

«Человек рожден свободным, а между тем — он везде в оковах», — так начинает Руссо свой «Общественный договор». И «отказаться от своей свободы, — в глазах Руссо, — это значит отказаться от своего человеческого достоинства, от прав человека, даже от его обязанностей» [1].

Это ощущение свободы, как драгоценнейшего дара природы человеку, позволяет Руссо нащупать, пусть еще в наивной идеологической форме XVIII века, и источник потери человеком свободы, причину причин всех человеческих несчастий.

«Первый, — писал Ж.-Ж. Руссо, — кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое», и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что

Жан-Жак Руссо — барельеф скульптора **Н. Я. Тапьянцева**

■ ■ ■

плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!» [2].

Руссо решительно выступает против феодальной формы собственности, как это было и у всех просветителей и энциклопедистов, но Руссо в то же время чувствует и те несчастья, которые приносит с собой трудовому люду надвигающийся капитализм. Отсюда у него совершенно явственные антикапиталистические тенденции. Это приводит его к тому, что, в соответствии с позициями революционной мелкой буржуазии, он, не отрицая принципа частной собственности на средства и орудия производства (почему и не может быть назван социалистом), борется с капиталистической ее формой.

Видя в «Общественном договоре» потерю человеком «естественной свободы», он утешается тем, что человек таким образом «выигрывает гражданскую свободу и право собственности на все, чем он владеет». Однако «единственным признаком собственности, который за отсутствием юридических оснований должен быть уважаем другими лицами», в глазах Руссо оказывается **труд и обработка.** Таким образом Руссо недвусмысленно высказывается за трудовую собственность против собственности тунеядцев — помещиков и капиталистов.

Политическим строем, который, по мнению Руссо, наиболее обеспечивает эту трудовую собственность, является строй, покоящийся на основах свободы и равенства. «Если исследовать, в чем именно состоит наибольшее благо всех, которое должно быть целью всякой системы законодательства, то мы найдем, что благо это сводится к двум важнейшим вещам — **свободе и равенству;** свободе — потому, что всякая частная зависимость (т. е. крепостная зависимость, личное рабство, — **И. Л.**) равносильна отнятию у государственного тела некоторой силы; равенству — потому, что свобода не может существовать без равенства» [3]. Наиболее приемлемой политической формой в глазах Руссо поэтому и оказывается демократическая республика.

Борьба против обнаружившего уже свое гниение феодализма и против только еще наступавшего капитализма, борьба с позиций мелкой буржуазии, которая страдала от феодальной системы и которой капитализм не обещал никакого просвета, и определила как сильные, так и слабые стороны учения Руссо.

Сильная сторона заключается в критике социально-политической действительности того времени, в критике, революционной по своему направлению и содержанию; сильная для того времени его сторона заключается и в политических выводах, в политическом учении о демократической республике.

Слабая же сторона учения Ж.-Ж. Руссо лежит в его экономических предпосылках и выводах, так же как и в выводах, которые следовали отсюда для области общефилософской и социально-культурной. Мелкая буржуазия, трудовой ремесленный люд не могли в этой области противопоставить образованию капиталистических общественных отношений ничего, кроме воспоминаний о том стародавнем времени, когда крупный капитал еще отсутствовал и не было, следовательно, капиталистической эксплоатации; когда регламентированное цеховое производство ограничивало конкуренцию, когда не было еще поляризации труда и капитала.

Это привело Ж.-Ж. Руссо к своеобразной социальной утопии, к идеализации первобытных времен человечества, к учению о блаженном веке естественного, а не общественного, состояния рода человеческого. «Назад к природе!» — таков был клич «чувствительного Жан-Жака».

В этом гипотетическом «естественном состоянии» люди были, по мнению Руссо, добродетельны, а добродетель есть, по его учению, основное положительное качество человека. Руссо согласен, что нравы были в то время грубы, но зато они были естественны. Что же испортило эти добродетельные нравы? «Наши души, — говорит Руссо, — развращались по мере того, как совершенствовались науки и искусства». «Науки и добродетель несовместимы».

Так выходит Руссо на свой парадоксальный путь отрицания какого бы то ни было положительного значения наук и искусств. Видя вокруг себя «порчу нравов», распущенность верхушки общества, он не видит их истинных причин. Гниение феодальной аристократии и распутство плутократической верхушки Руссо незакономерно обобщает и приписывает их действию наук и искусств, которые якобы обязательно приводят к изнеженности и разврату. «Роскошь, распутство и рабство всегда являлись наказанием за наше надменное стремление выйти из счастливого невежества, на которое нас обрекла вечная мудрость». Утверждение «блаженного невежества» и составляет основной тезис знаменитой первой диссертации Руссо 1749 года, написанной им на вопрос, предложенный Дижонской академией: «Способствовало ли восстановление наук и искусств улучшению или ухудшению нравов?»

Невозможность возврата к естественному состоянию была очевидна и для самого Руссо. Поэтому принципиальный лозунг «назад к природе!» он практически заменял проповедью приближения к «естественной» жизни, опрощения, бытового аскетизма и пропагандой умеренности. Эта пропаганда умеренности проводилась Руссо и в области экономической (и притом как в сфере производства, так и в сфере потребления) и в области государственно-политической, и в области педагогической («Эмиль или о воспитании»).

Так обрушиваясь всей силой своей плебейской ненависти против феодальной аристократии и феодального строя в целом, Руссо в своей борьбе против надвигавшегося капитализма не мог найти ничего другого, кроме слезливой проповеди чувствительности к ближнему и умеренности во всем. Средства борьбы против капитализма оказывались явно недостаточными, но они понятны, потому что со своих позиций Руссо ничего иного и не мог предложить.

Эти позиции с особой силой художественной выразительности Руссо воплотил и в своих романах «Юлия или новая Элоиза» и «Эмиль или о воспитании». В «Новой Элоизе» Руссо изобразил несчастную любовь учителя бедняка Сен Пре к своей ученице аристократке. Сентиментализм романа, его «чувствительный» жанр стал на долгое время каноном для подражания и французских и иностранных писателей, ибо воплотил мысли и чувства тогдашних «маленьких людей». Таким образом и в литературе Руссо оказался родоначальником целой школы, школы сентиментального романа. В России ему подражал Н. М. Карамзин в «Бедной Лизе» и В. А. Жуковский в «Марьиной роще».

Но было бы неправильно видеть в Руссо-романисте только слезливого сентименталиста. «Новая Элоиза» была воспринята широкими кругами общества как яркий протест против общественного неравенства и сословных привилегий.

«Разумное государство и «общественный договор» Руссо, — пишет Ф. Энгельс, — оказались и могли оказаться на практике только буржуазно-демократической республикой. Мыслители XVIII века, как и все их предшественники, не могли выйти за пределы, которые ставила им тогдашняя эпоха» [4].

Но если ограниченность эпохи обусловила то, что у самого революционного из французских просветителей XVIII века, у Руссо мы можем встретить как крайний предел его политических идеалов лишь требование буржуазно-демократической республики, то ограниченность класса мелкой буржуазии того времени привела Руссо к отстаиванию деизма и своеобразной «религии чувства». И здесь Руссо проявил свою «умеренность». Выступая против церковного католичества, Руссо остановился на полдороге и не только не дошел до материализма и атеизма, но активно выступал против них.

Этим, так же как и своей проповедью аскетизма, так же как и отрицанием положительного влияния наук и искусств, он проложил дорогу в других странах тем мыслителям, которые в переходные этапы развития обществ, выступая против старого, против феодализма, не принимали и капитализма, но не могли найти и правильного, единственно верного, пролетарски-революционного пути и оказывались потому лишь «зеркалом противоречий», раздиравших общество. Так не трудно найти много общего с Руссо в умонастроении и нашего Льва Толстого.

Дело однако заключается в том, что Лев Толстой жил и действовал в России в эпоху 1861—1905 гг.; время Ж.-Ж. Руссо — иное. Он жил и действовал еще накануне буржуазной революции.

Требования Руссо **свободы и равенства,** выдвинутые им против абсолютистско-феодального государства, были максимумом исторически возможного, и не случайно, что в процессе самой революции конца XVIII века Руссо говорил устами якобинцев.

Однако нельзя забывать ни на минуту исторической, классовой ограниченности Руссо. «**Буржуазная** сторона требования равенства, — пишет Ф. Энгельс, — была впервые резко, но еще в виде общечеловеческого требования, формулирована Руссо» [5]. Буржуазно-революционное требование свободы и равенства есть требование формальное, требование чисто юридическое. Право частной собственности на средства и орудия производства, капиталистическая эксплоатация сводят его по существу на-нет.

Различие буржуазного и пролетарского требования равенства существенно и принципиально. Буржуазное требование равенства ограничивается уничтожением классовых преимуществ, пролетарское же — требует уничтожения самих классов.

Это единственно верное, не иллюзорное требование свободы и равенства под силу только до конца и последовательно революционному классу, пролетариату и осуществляется оно в процессе социалистической революции средствами диктатуры пролетариата.

[1] Ж.Ж. Руссо. «Общественный договор», гл. IV.

[2] Ж.-Ж. Руссо. «О причинах неравенства», ч. II.

[3] Ж.-Ж. Руссо. «Общественный договор», гл. XI.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 18.

[5] Там же, стр. 367.

Книга славы и побед

Составители этой прекрасно изданной Партиздатом книги разумно поступили, включив в нее и зарубежные отклики на победу советских полярников.

В этом отделе имеются высказывания ряда исследователей, сделанные за несколько дней до старта советской экспедиции на Северный полюс.

Никто из этих ученых не допускал даже мысли о возможности завоевания полюса с помощью самолетов. «Нельзя рассчитывать на то, что у Северного полюса найдутся достаточно большие льдины для посадки аэропланов, снабженных лыжами. Если же речь идет о высадке людей на лед, чтобы исследовать глубину океана и т. д., то дирижабли окажутся для этого **единственным** средством».

Так заявил знаменитый путешественник Рисер-Ларсен.

Его поддерживает профессор Ханс Альман.

«С помощью самолета, заявляет он, нельзя, повидимому, добиться какихлибо мало-мальски ценных научных результатов».

А Петер Фрейхен считает, что победу можно будет одержать лишь при помощи подводной лодки или... собак.

Нельзя читать все эти заверения опытных и отважных людей без улыбки после ознакомления со всеми материалами советских центральных газет и журналов, собранными в этой волнующей книге.

Здесь каждая страница поучительна для всех, кто до сих пор еще не уразумел разницы между социалистическим и капиталистическим укладом, не постиг природы советского человека, не увидел колоссального технического и культурного прогресса нашей страны. Книга дает не только об'яснение целей, во имя которых большевики пошли на Северный полюс, целей, ничего общего не имеющих с безрассудной погоней за рекордами и славой. Она показывает со всей наглядностью большевистские методы работы.

Каждый шаг продуман и взвешен, каждая деталь учтена. Длительная подготовка, внимательнейший отбор людей, основательнейшее изучение маршрута, теоретическое осмысление опыта всех предшествующих полярных экспедиций — Пири, Нансена, Амундсена, Седова и др.

Все этапы подготовки проходили через непосредственный контроль товарища Сталина. Внимание вождя согревало участников экспедиции, давало им постоянное ощущение связи со страной, внушало бодрость и уверенность в победе.

Как странно и дико звучат для этих людей предсмертные слова капитана Роберта Скотта, обращенные к сэру Барри, с Южного полюса, где Скотт нашел свою гибель: «Умирая, прошу вас, дорогой мой друг, быть добрым к моей жене и ребенку. Окажите мальчику помощь в жизни, если государство не захочет этого сделать».

Ни у одного советского полярника не могут возникнуть такого рода чувства. Радостным оптимизмом, спокойствием за свою личную судьбу и судьбы близких и родных, сознанием своей крепкой, нерасторжимой связи с обществом, страной, партией проникнута каждая строка статей «ледового комиссара» О. Ю. Шмидта, водителей воздушных кораблей Водопьянова, Алексеева, Мазурука, Головина, Молокова, каждая сводка первых зимовщиков Северного полюса — Папанина, Кренкеля, Ширшова, Федорова.

Одним из наиболее увлекательных разделов книги является, раздел об отважных завоевателях Северного полюса. Здесь имеются статьи Б. Горбатова о Шмидте, Вс. Вишневского о Папанине, Л. Никулина о Водопьянове, биографии Кренкеля, Федорова, Ширшова.

Люди сталинской закалки, питомцы Великой пролетарской революции, бесстрашные борцы за торжество социалистической науки, за счастье и процветание великой родины! Жизнь этих людей расскажет буржуазным ученым и исследователям, не верившим в возможность завоевания полюса с помощью самолетов, в чем сила большевистской организованности, в чем секрет нашей непобедимости, наших успехов там, где терпит крах буржуазная наука и техника.

Этот секрет не только в беззаветном мужестве. Он — в умении полностью слить свои личные интересы с интересами коллектива, он в энтузиазме людей, творчески соревнующихся, он в том могучем единстве чувств, которым спаяны у нас миллионы, руководимые партией.

Книга, выпущенная Партиздатом, читается как поэма о героических подвигах лучших сынов советского народа. Она явится ценнейшим пособием для тех, кого интересует история большевистского покорения Северного полюса и всей Арктики.

Я. Э.

«Северный полюс завоеван большевиками». Партиздат ЦК ВКП(б), 155 стр., цена 6 руб.

ПОЭТЫ, ДРАМАТУРГИ, ПРОЗАИКИ ОТВЕЧАЮТ СОВЕТСКИМ ХУДОЖНИКАМ

ЗА СОВМЕСТНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ОБОРОННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

★

В. Гусев

★

В меру сил я работаю в области оборонной тематики.

Вслед за **«Славой»** я и в новой моей пьесе пытаюсь создать образы людей нашей Красной армии, образы бойцов и командиров, до конца преданных делу Ленина—Сталина.

Основная тема моего поэтического творчества — оборона страны социализма.

Всячески приветствую предложение советских художников.

Вношу конкретное дополнение: по истечении известного времени **организовать совместное обсуждение новых оборонных работ** художников и литераторов.

Надо, чтобы мастера различных областей советского искусства чаще встречались, говорили по-деловому о своей работе, обсуждали свои вещи.

Это поможет поднять наши оборонные произведения на высоту, достойную нашей родины, нашей Красной армии.

ОТВЕЧАЮ ПЬЕСОЙ

★

М. Голодный

★

По мнению некоторых критиков, все основное и лучшее в моей поэзии относится к оборонной тематике.

Люди гражданской войны, люди до конца преданные делу Ленина—Сталина, изображенные мною в стихах, привели меня к неустанному горячему желанию создать к двадцатой годовщине Великой Социалистической Революции пьесу в стихах на оборонную тему.

Вот почему я с особой радостью приветствую обращение художников и скульпторов о создании героических произведений оборонного характера.

НЕВИДАННЫЙ РАЗМАХ ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ

★

Перец Маркиш

★

Наша великая родина охвачена проявлением беззаветного патриотизма и беспредельной любви к великим вождям народа, под руководством которых наша страна — отечество трудящихся всего мира и единственная надежда всего человечества — очищается от подлых изменников и предателей, пытавшихся на фашистских торжищах, под полою, распродать великие завоевания Октября.

Воодушевленные и одухотворенные беспримерными подвигами героических сынов великого народа, преданных заветам Ленина и Сталина, мы, советские писатели, отдадим все свои лучшие помыслы и дарования на укрепление несокрушимого оплота социализма и бесстрашного стража великой революции — славной Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Неразрывно связано творчество советского писателя с величайшими творениями нашего народа и его великих вождей, преобразовавших мир, где впервые за всю историю человечества с таким невиданным размахом развернулась творческая мысль и человеческий гений.

См. «Обращение художников и скульпторов» — «Лит. Газ.», № 34.

Ежечасно думать об обороне страны

★

Н. Сидоренко

★

Призыв художников и скульпторов, обращенный к поэтам и писателям, выражает желание всего народа: получить от нас высокоценные, взволнованные книги о нашей родине, о ее людях, о подлинных героях наших дней.

Помня о капиталистическом окружении, о происках врага, мы должны создавать в первую очередь такие произведения, которые бы воспитывали в читателе чувство долга перед своей страной, любовь к ее защитникам, революционную бдительность.

Большая правдивость, простота и яркость изобразительных средств, смысловая наполненность, понимание художником всего нашего пути, — вот качества, без которых ни одна книга не сможет получить признания у читателя.

Ежечасно мы должны думать и помнить об обороне страны от внешних и внутренних врагов.

В плане этих задач я строю поэму о замечательном большевике и человеке, о вернейшем друге товарища Сталина — о Серго Орджоникидзе.

С этими же требованиями я подхожу к сюжету и характерам героев моей будущей пьесы «Инженеры».

Наш долг перед родиной

Литераторы и поэты, входящие в Московское об'единение советских еврейских писателей, **приветствуют и присоединяются к обращению московских художников и скульпторов** («Литературная газета» от 26 июня) **о создании художественных произведений, посвященных защите нашей великой социалистической родины.**

Советская еврейская литература, давшая ряд значительных произведений на оборонные темы, все же не выполнила своего долга перед горячо любимой родиной.

Оборонные темы — в центр внимания советских еврейских писателей!

Правлению ССП СССР и нашему бюро необходимо создать все условия для творческой работы еврейских писателей на оборонные темы.

Призываем всех советских еврейских писателей отобразить в своих художественных произведениях советский патриотизм, которым охвачены все народы нашего великого Союза. В то же время новые наши произведения должны помочь партии и правительству в борьбе против явных и замаскированных врагов Советского Союза.

Ш. Росин, Е. Маргопис, Ю. Иоффе, И. Рабинович, А. Хашин, М. Розенблюм, Д. Бергельсон, С. Персов, Б. Оршанский, О. Любомирский, Перец Маркиш, И. Добрушин, Я. Зельдин, С. Годинер, Д. Абрамович, М. Литваков, М. Гольдштейн, С. Галкин, Л. Липман-Левин, М. Герр.

«Шпионов и диверсантов искореним» — плакат худ. **С. Игумнова.** На об'явленном Изогизом конкурсе плакатов к XX-летию Великой Пролетарской Революции получил III премию.

Б. БРАЙНИНА

Беспомощная книга

«Таежная армия» Ильи Чернева— повесть о гражданской войне в Сибири.

На эту тему писали Фурманов в «Чапаеве», Фадеев в «Разгроме» и «Последнем из удэге». Прекрасные книги Фурманова и Фадеева известны всему миру. Но разве они исчерпали тему гражданской войны?

Конечно, нет. Материала хватит еще на сотни книг, очень хороших книг. Примеры мужества, отваги, выносливости, патриотизма вдохновляли и вдохновляют деятелей различного рода искусств — писателей, музыкантов, живописцев, скульпторов, драматургов, работников кино. И когда появляется новая книга о гражданской войне, даже не возникает вопрос о ее своевременности. Речь идет о ее идейной и художественной ценности. К качеству книг, воспитывающих патриотизм советского читателя, мы должны быть особенно требовательны.

«Таежная армия» Ильи Чернева искренняя книга, в ней есть отдельные неплохие эпизоды, но в целом перед нами сырой, недоработанный материал, книга не выношенная, художественно беспомощная.

В главе 12-й («Деревня Паруновка раскололась») крестьянин рассказывает: «Ну, так... Живем этаким порядком. Будто и одна деревня, а выходит две половинки. Хоть высокий забор ставь... Ругались крепыши каждый день, проходу по деревне не давали, грозились всех перепороть японскими шомполами...»

Рассказ ведется просто и непритязательно. Читатель узнает о классовой борьбе в деревне, о бесчинствах японских интервентов.

Но даже эта (одна из очень немногих удачных глав) заканчивается скучно — назидательными авторскими пояснениями: Шаблонными, ничего не говорящими ни уму, ни сердцу словами автор раз'ясняет, поясняет, резонерствует, тщетно стараясь убедить читателя в том, в чем тот должен быть убежден силой, логикой художественного образа

Неопытность автора прежде всего заметна в упорном стремлении дать подстрочник к каждому образу, к каждому положению, все пересказать своими словами.

Неумение автора создать живой художественный образ приводит его к упрощенчеству, к весьма наивным характеристикам. Так, главный герой повести, плотник Демьян Тимофеевич Каломийц в своих мыслях, поступках, поведении совсем не ощущается как крепкий революционер. Это скорее какой-то недалекий, добрый дедушка, усваивающий с помощью автора элементарные уроки политграмоты.

Портрет героя дан не менее беспомощно. «Улыбка, в которой было что-то от детской радости, вмещала в себе и эту простодушную радость, и строгий суд требовательного к себе строителя, и окрыляющую надежду».

Чтобы изобразить сложность переживаний Демьяна Каломийца, автор на протяжении всей повести заставляет его «собирать воедино разбежавшиеся мысли» (стр. 128). «Две ночи подряд не спал он — собирал в кучу рассыпанные мысли» (стр. 29). «Не только мысли собирал Демьян Тимофеевич: в крайней по острову палатке он собирал людей» (стр. 29). «Опять приходилось собирать разбежавшиеся мысли» (стр. 54). «... Чтоб сколотить в единой воле людей, нужно было сцементировать собственные мысли, отточить их каждую в отдельности и убеждать, убеждать» (стр. 30).

Наивно и схематично показан и другой герой, партизан Антонов, кадровый рабочий. Вот его портрет: «...С лицом, точно обожженным пламенным дыханием паровозно-строительного исполина, с выдвинутыми вперед упрямыми скулами и смышленными карими глазами, он производил впечатление человека недюжинной воли и ума».

Так же, как «разбежавшиеся мысли» Демьяна, через всю книгу проходит «будто обожженное лицо» Антонова. Столь набившее оскомину еще с далеких времен «Кузницы» изображение рабочего при помощи всякого рода «производственных» определений весьма сильно тяготеет над автором. К примеру, Антонов сравнивает своих товарищей-рабочих с крестьянами-партизанами: «Они были вовсе не такие, как те, в далекой Коломне, — поджарые парни, крепкие, как сталь, быстрые в движениях и в мыслях, как шестеренки...».

Удручает бедность словаря книги, беспомощность эпитета, метафоры, сравнения: строгое, точно выточенное лицо, металлически чеканящий голос, закипающая внутри хлесткая радость, вздыбленные злобой хлеборобы, неуемная жажда борьбы, вечер, обволакивающий землю покрывалом осенних сумерек, золотая палатка неба, затканная золотыми блестками звезд, часы плелись тягуче, как патока, и пр. и пр.

Неумелое обращение со словом зачастую приводит к прямым курьезам. Так, восторженно изображая одного из выдающихся руководителей партизанского движения, автор пишет: «... и посыпался горох жестких, повелительных и призывных слов...». Горох слов — прежде всего говорит о бессмыслице, пустоте трескучей фразы, а Илья Чернев «горохом слов» награждает своего положительного героя.

Выход в свет беспомощных произведений — явление обычное для наших издательств — снова и снова свидетельствует о неблагополучии на издательском фронте, о малой подготовленности редакторского аппарата, о полном неумении работать с авторами. Печально, что голос читателя и критика, повидимому, еще не пробился сквозь толстые стены издательских кабинетов. Там все спокойно, все по-старому. Когда же наконец настойчивые требования советской общественности о высоком качестве издаваемых книг перестанут быть гласом вопиющего в пустыне?

И. Чернев, «Таежная армия». Изд. «Молодая гвардия», 1937, 173 стр., ц. 3 р. Редактор **А. Субботин.**

О ЧУТКОСТИ ЧИТАТЕЛЕЙ

В книге Белинского «Литературно-критические статьи» (изд. Гослитиздата) типография Мособлполиграфа (Калуга. Директор Стремоусов Н. Н.) сделала на стр. 270 грубую опечатку, искажающую смысл, напечатав вместо слова «светской» — «советской».

Нельзя не отметить, как зорко и чутко реагирует советский читатель на такое явление.

Не прошло и 2-х недель после рассылки издания (издательство только успело установить, что часть тиража книги по вине типографии была отпечатана с этой контрреволюционной опечаткой), как было получено письмо т. Шевелева из Смоленска:

«Уважаемый товарищ редактор!

Вчера я купил в магазине ОГИЗ в Смоленске книгу Белинского «Литературно-критические статьи».

Читая письмо Белинского к Гоголю, я на стр. 270 заметил, что слово «светской» заменено словом «советской», в результате чего получился грубый политический ляпсус. Позволительно спросить руководителей Гослитиздата: что это — опечатка или вылазка классового врага?

Чем об'ясняется возмутительная беспечность редактора этой книги А. А. Языкова, технического редактора С. Симонова, корректоров Е. Быковой и Л. Руднева?

Пора, наконец, Гослитиздату не преподносить читателю подобные сюрпризы!

А. Шевелев».

Читатель прав! В этом деле, возможно, участвовала рука врага, вредителя, которую надо схватить и по которой надо крепко ударить.

Издательство по этому поводу производит расследование и о результатах не замедлит сообщить.

Н. НАКОРЯКОВ

А. КОТЛЯР

Заметки о молодых писателях

I

За последнее время журнал **«Октябрь»** уделяет много внимания работе с молодыми писателями. В номере 5-м напечатаны два произведения: «Повесть» А. Рутько и «Большой день» З. Столпера.

В **«Повести» Рутько** чрезвычайно ясно сказались недостатки и достоинства этого молодого писателя. «Повесть», несмотря на то, что тема взята неглубоко, несмотря на ряд литературных погрешностей, показывает литературные данные Рутько, отказавшегося здесь от дешевой манерности, свойственной его прежним рассказам. (Об этих рассказах писала «Литературная газета» несколько месяцев назад).

Рутько привлекают лирические мотивы. «Повесть» в своей лучшей части посвящена несложной истории любви юноши и девушки. Автору удалось передать чистоту и свежесть чувства молодых людей. Он не нагромождает здесь, как это он делал раньше, всяческие «изыски», чтобы показать настроения своих героев.

Некоторые молодые писатели, думая, что создают свою «манеру», идут по пути жалкого эпигонства, никакой своей «манеры», конечно, не создают, но зато манерничают до-отказа.

Такая опасность грозила А. Рутько, «Повесть» же убеждает в том, что он по мере сил своих стремится писать просто, искренно. Фраза у Рутько, когда он рисует, например, пейзаж, — четкая, наполненная. «С тропинки, если смотреть вперед, словно сквозь узкую, зеленую трещинку между садами, видна была Волга, спокойная, чуть розовая; у острова спали на якорях баржи — две мелкосидящие нефтянки, выкрашенные в яркий красный цвет; деловито сновал возле них маленький буксирный пароход».

Легкая грусть, жажда счастья молодого героя поэтично показаны автором. Взволнованный встречей с девушкой, юноша думает: «Сколько было таких встреч. Сколько ребят... может быть, они были бы лучшими друзьями, может быть, только общения с ними нехватало для счастья».

Это сказано просто и хорошо.

Не так давно в нашей молодежной литературе принято было смаковать «вопросы пола». Совсем иначе пишет о любви Рутько. Его герои любят друг друга молодо, чисто, в отношениях их нет никакой пошлости. Поэзия чувства одухотворяет их беседы.

Хорошо, что Рутько именно так подходит к своей теме. Пора уже некоторым нашим писателям перестать делать окрошку из грубого натурализма, ложного «психологизма» и пошлости. И даже когда на страницах «Повести» появляется «третий» — низкопробный — человек, Рутько не изменяет своего основного тона. Этот человек вначале показан в ореоле прекрасного певца, и то, что он потом оказывается негодяем, должно лишь оттенить искренность и силу чувств основных героев.

Но тут-то пора поговорить о недостатках «Повести».

Свежо начатый рассказ к концу все больше расплывается. Автор не выдерживает тона, не умеет сохранить той непосредственности, которая есть в лучших частях рассказа.

Герой, расставшись с любимой девушкой, мечтает о ней. «Он смотрит на каждый караван, под'езжавший к лагерю, и ему чудилось: вот это она сидит на втором или на третьем верблюде, треплются белые волосы, блестит улыбка, вот — это она поднимает золотую от загара руку».

Но таких хороших строк к концу рассказа становится все меньше. Автор не знает, как дальше поступить с героями. Он приделывает к рассказу безвкусную, морализующую концовку.

Соперник героя заражает девушку тяжелой болезнью, наш герой во-время не сумел спасти ее, девушка кончает жизнь самоубийством. На последней странице соперники встречаются, наш герой дает пощечину соблазнителю, а его спутник резонирует при этом: «Стой! — строго сказал он. — Не марай рук. На таких подлецов у нас есть суд... И она, та девушка, за которую ты ударил этого подлеца, поступила не так, как надо было поступить: общество ее не осудило бы за ее так называемый проступок и целиком встало бы на ее сторону... А этого пошляка пригвоздило бы к позорному столбу».

К чему эта сентенция вместо художественного образа?

И вот, рассказ, хотя и неглубокий, но по-хорошему молодой, искренний, в значительной мере испорчен.

Мы не хотим сказать, что Рутько должен был выдержать весь рассказ в сугубо лирических тонах, не допуская «прозы жизни». Наоборот, мы можем упрекнуть его в недостаточной конкретности образов, обстановки. Рутько нужно научиться показывать героев людьми своего времени. И в этом рассказе, как и в прежних, мы лишь по отдельным фразам можем понять, где и когда действуют герои. Но «проза» требует большей конкретности образа, а не скучных поучений.

Следует сказать о литературной редактуре рассказа. Конечно, редактор не может заменить автора, но право же, к рассказу Рутько, где автор ясно показал свое умение, стоило отнестись с большим вниманием, нежели это сделала редакция «Октября».

Следовало сократить рассказ. Необходимо было из'ять скучнейшие строки о неудачливом писательстве героя, повторенные в рассказе несколько раз с настойчивым однообразием и не всегда грамотные: «Он принимался за дело, но, написав несколько страничек, в смятении бросал все и **уходил, если это было днем, на Волгу, если вечером — бродить по улицам, зайти в какой-нибудь клуб»** (подчеркнуто нами — **А. К.).**

Такие плохо отредактированные фразы встречаются в рассказе. Между тем редактура должна быть поставлена в журналах безукоризненно.

У Рутько несомненно есть дарование, но ему мешает недостаток культуры, узость кругозора. Его особенность — поэтическое восприятие человека, природы. Но эта особенность, не питаемая разнообразными жизненными впечатлениями, не обогащенная широкими знаниями, может привести автора к дешевой чувствительности, как это случилось с его ранними рассказами.

Рутько предстоит большая работа, если он захочет по-настоящему развивать свои способности.

II

З. Столпера мы видим впервые на страницах центральной печати.

Его повесть **«Большой день»** — несомненно удачный дебют. Она написана ровно, без срывов. И хотя З. Столпер помещен в «Отделе молодых», а Рутько, очевидно, как уже печатавшийся автор, выделен из этого отдела, при сопоставлении двух произведений ясно ощущается большая литературная зрелость З. Столпера.

Материал повести прекрасно знаком автору. Это чувствуется по самому тону, видно, что автор сам наблюдал и пережил описываемое.

Эпизод чудовищной резни евреев махновцами реалистически воспроизведен молодым писателем.

Во время гражданской войны погромы, организованные белогвардейцами, петлюровцами, махновцами, кровавым валом прокатились по Украине, Белоруссии и другим местам. Контрреволюция сеяла смерть, разрушение. Красные войска несли свободу, спасали от кровавого тумана. Их ждали, только им верили замученные в конец люди, которых черная сотня превратила в мишень для своих злодеяний.

Обо всем этом взволнованно рассказывает З. Столпер.

Приближаются махновцы: «Евреи, которые пытались спастись в немецкой улице, измученные и обезумевшие, неслись обратно. Впереди, с взлохмаченными волосами, мокрый от пота, спотыкаясь бежал Ерухимковаль и охрипшим голосом орал все время одни и те же слова; «Евреи, конец! Они окружили нас. Евреи, конец!».

Повествование ведется от имени мальчика. Дети, переживавшие ужасы контрреволюционного бандитизма, рано становились взрослыми. З. Столпер нисколько не сгущает краски, когда так пишет о чувствах мальчика: «Мы вошли в комнату и мне показалось, что в ней страшно темно. Все время я чувствовал, как махновец холодной рукой расстегивал ворот моей рубахи, а другой приближал лезвие шашки к горлу. Так зарезали месяц назад трех мальчиков Файковича. Я не знал, куда мне деться от этого видения».

Эти трагические переживания, несвойственные детскому мышлению в обычной обстановке, с ранних лет определяли дальнейшее отношение детей к жизни, к людям. Суровая, напряженная действительность гражданской войны закалила в самом начале много юных сердец.

Весь пыл, всю свою любовь несли юные участники грозных событий своим спасителям — большевикам. Это хорошо показано З. Столпером.

Кровавый налет махновцев на еврейскую колонию прерывается приходом красных, и погромщики панически бегут.

Тем, кто остался в живых, предстоит бороться дальше.

И автор уверенной рукой ведет своих героев. Из среды забитых, бесправных людей выделяются борцы за революцию. Мать мальчика за один страшный день вырастает в сознательного человека. Это превращение показано правдиво и убедительно.

К сожалению, один из главных персонажей — дед мальчика, представлен слишком традиционно. Старый еврей, слепо верящий в то, что бог не допустит насилия, если его об этом попросят, к концу повести разочаровывается в боге и с симпатией относится к большевикам. Это шаблонный персонаж. Мало интересна и фигура вождя еврейских партизан. Непонятно, почему автор решил показать его безногим калекой.

В целом З. Столпер вполне владеет своим материалом. Он умеет индивидуализировать речь героев (особенно удались ему дети), хорошо дает массовые сцены. Момент увода евреев махновцами в поле, издевательства, расстрел, обезумевшая, бессильная толпа женщин и детей в стороне — все это показано сильно, впечатляюще, сцена стоит перед глазами читателя.

Можно поставить в заслугу редакции журнала «Октябрь» опубликование этой повести.

З. Столпер не нуждается в снисхождении. Ему не нужна, как некоторым другим молодым писателям, скидка на «молодость».

З. Столпер показал кусок подлинной, настоящей жизни, ему не пришлось выдумывать и подкрашивать свое произведение. Некоторые же молодые писатели, мало пережившие в жизни, мало знающие, высасывают из пальца несуществующие ситуации и чувства и спешат печатать свои незрелые произведения.

Приятно отметить, что З. Столпер не принадлежит к этой категории авторов.

А. ЭРЛИХ

Ключ

Рассказ

Город спал. В эту позднюю пору не могло быть нечаянной встречи. Конечно, она подкараулила его, прячась где-нибудь за воротами. Можно ли было поверить, будто бессонница согнала ее с постели?

Гулки пустынные улицы. Слова звучали отчетливо и далеко.

— А ты опять выпивши?

Сонная женщина на мгновенье выглянула во втором этаже и сердито захлопнула окошко; мохнатая собаченка прибежала на голос и стала, вертясь, обнюхивать башмаки.

Они пошли к палисаднику из берез и черемухи, на скамейку, из'еденную дождями и ржавчиной. Заботливо укрывая девушку полой пиджака, он мысленно бранил себя, что пошел главной улицей, а не свернул в переулок.

Давно уже не любил он. Да и любил ли когда-нибудь? Хорошо еще, что она была нетребовательна, становилась веселой, почти счастливой даже от нескольких ласковых слов. Это дешево стоит ,и он лгал, чтобы быть хорошим. Пожалуйста, не жалко! Он иногда посиживал с нею на скамейке, подарил ей как-то бусы, платок, а однажды, после удачной игры, помог уплатить тридцать рублей давно просроченного долга в кассу взаимопомощи. Только бы все обошлось без газеты, без слез и упреков.

— Что это я хотела тебе сказать... —острая морщинка пересекла лоб, сощурились глаза; меж тем, ей вовсе не приходилось вспоминать, какая причина заставила ее отказаться от сна. — Да! — воскликнула она, как бы вспомнив, наконец,— перестань ты водиться с этим... как его... с Шевелевым.

— Почему же такое — не водиться?

— И в комсомоле уже говорят, что напрасно ты путаешься.

— А я виноват, что он подсаживается?,

Он грубо отстранился, рассчитывая на ссору. Обиженный, он сможет уйти. Но она, снова забираясь под пиджак, положила руку ему на сердце, смиряя и предупреждая гнев.

— К другому не подсаживается...— сказал она со вздохом.— Понасылали их сюда, чертей.

В далеком окошке зажегся свет. Огонь терял силу в белых сумерках северной ночи. Его хватало лишь, чтобы красить стекла в водянистый розовый цвет. Игрушечная колокольня пробила два раза. Певучий гул, качаясь, поплыл над крышами. Так звучала медь с этой самой колоколенки и сто и триста лет назад.

Он ждал, что она возобновит разговор о Шевелеве. Тогда он гневно подымется со скамейки и скажет, что никому нет дела, как и с кем он проводит время.

Да, если угодно, и сегодня на маленьком столике возле дивана были приготовлены треска по-польски, большой кувшин пива, ржаные сухари в крупной соли. Он и Шевелев разбивали одну пирамидку за другой. Нет игрока лучше Шевелева. И во всем городе только он, Степка Смородин, может противостоять ему.

Какая была игра! Ребята, сторонясь в табачном дыму, весь вечер держали мазу. Шары, сверкая, гуляли по зеленому полю. Хваченные в лоб, они молниеносно, с победным звоном, исчезали в лузах. Срезанные в бок, они катились медленно и мягко. Их удавалось приводить в движение одним лишь острым касанием, едва заметным соприкосновением поверхностей, чуть ли не струей воздуха от сильно пущенного битка. Низко посаженные лампы под рефлектором отражались пучком света на макушке каждого шара, желтого и гладкого. Свет, перемещаясь, играл и сиял. И вдруг этот свет, эта игра, это движение прерывались, все исчезало с зеленого поля. Эхом восторга и гордости отдавался в сердце мгновенный шум падающего в сетку шара. После такого удара, сманеврировав битком в безопасную точку, приятно было хлебнуть в стороне пенящегося пива.

Да, он играл и сегодня. И пять раз, по окончании партии, он и Шевелев тайком совали друг другу смятые деньги, раз открытая игра на интерес запрещена...

Гадина Шевелев! Враг Шевелев! А почему он гадина, почему враг? Почему следует ненавидеть его и избегать его? Только потому, что человек не по своей воле оказался в здешней сплавной конторе?

Смородин ждал, готовый при любом возражении разразиться обидой и гневом. Прикрываясь этими чувствами, он избавится от нежелательного свидания и отправится наконец-то домой, спать. Но она, как нарочно, умолкла, грустно и тихо припав к нему.

— Может, ты за себя боишься? Потому, что я путаюсь с ним, а ты со мной? Да?

Нет, она хлопочет только о нем. К нему, секретарю директора, липнет всякая дрянь. Зачем? А кто ж его знает! Может быть, хотят выведать что-нибудь...

Ссоры никак не получалось.

Она наклонилась, расшнуровывая ботинок. Башмаки, еще не разношенные, были малость тесноваты. Ей пришлось в этом сознаться. Тогда он снисходительно улыбнулся, даже засмеялся тихонько и потрепал ее по склоненному плечу. Чтобы быть до конца хорошим и добрым, он участливо спросил: «Здорово жмут?».

Приходилось менять тактику и добиваться не ссоры, а нежности. Ладно! Он подождет немного, а потом, поцеловав ее, скажет, что с нею очень хорошо, но надо итти, завтра рано вставать...

Город оставался безмолвным и светлым. Город спал под пустым небом, и даже листья на березах свешивались сонно. В этом глубоком затишьи неурочный голос меди на колокольне показался в первую секунду голосом спросонья. Но звук сразу же окреп, колокол заговорил нетерпеливо, требовательно, часто. Удары нагоняли друг друга. Басовый гул, множась, сливаясь, усиливаясь, бушевал в воздухе, только что неподвижном.

Отстранившись друг от друга, два человека на скамье вопросительно переглянулись.

Наверно, опять лес горит, где-нибудь далеко. Угонят народ окапывать пожар, опять будут простои на фабрике. Так говорил Смородин, зевая, потягиваясь, сладостно корчась. Он засунул руки глубоко в карманы и рассеянно перебирал там деньги, спички, папиросы, платок. Вдруг озабоченным стало лицо его. Он поднялся со скамьи, охлопывая и ощупывая себя.

Что он ищет?

— Ничего...—ответил он.— Так. Я подумал, что... потерял деньги.

Он внимательно оглядел далеко тянувшийся досчатый тротуар, потом стал смотреть на кирпичный корпус фабрики с таким видом, как будто от этого могла разрешиться загадка.

Что с ним случилось?

Он с ненавистью покосился на девушку и смолчал. Не станет же он говорить ей про ключ! Куда мог деваться ключ? Ключ от запасного хода. Директорский ключ... Он не раз доставал его сегодня из кармана вместе со смятыми деньгами. Что за чорт! Сами собой шевелились пальцы в карманах, потому что в пальцах еще сохранялось ощущение формы, веса, чугунной шероховатости.

Набат властно гремел, но нигде не видно было и признака пожара — ни дымка, ни искорки, ни гари. В окна выглядывали разбуженные, встревоженные головы... Может быть, он обронил ключ на улице? Шел выпивши, не услышал...

В воображении неотступно стояла тяжелая, кованая дверь запасного хода с темным от мазута и нефти порогом. Сводчатый ход за дверью дышал плесенью. Там стояли большие баки с горючим. Два пролета лестниц вели отсюда наверх, к складу, где паковались большие, крепкие ящики, стянутые железными поясами. В ящиках, адресуемых Амторгу в Нью-Йорк, были льняные товары, всевозможные жакардовые ткани, цветные и белые скатерти, салфетки и полотенца, шведские холсты и канели— все многообразие и все обилие продукции льнокомбината.

Он доставал теперь изо всех карманов какие-то бумажки и торопливо рылся в них.

По улице, все еще пустынной, с громом промчалась красная машина с людьми в парусиновых одеждах и в сияющих касках.

Да что он такое ищет? Что он все в бумажках копается? Нашел время! Она тянула его за руку, чтобы бежать за машиной и выяснить, где горит.

— Цыц! — сквозь стиснутые зубы произнес он и вытер ладонью взмокший лоб; даже и теперь, обнаружив, что вместе с директорским ключом исчез и пропуск в ворота, он не испытывал никакой особой ненависти к врагу, а только страх, великий страх за себя.

Колокол бился и ревел, задыхаясь. Фабрика дохнула вдруг жирным дымом, и в дыму, в искрах заплясало пламя. Люди выбегали из домов, на ходу застегиваясь.

— Что ты искал? — спрашивала девушка; губы ее дрожали; слова, как на морозе, возникали с усилием. —Что ты искал? — повторяла она, движимая догадкой.

— А?—бессмысленно спросил он и пошел прочь.

Она догнала его, неловкая в отпущенных, расшнурованных башмаках.

— Отвяжешься ты когда-нибудь? —кепка с'ехала козырьком ему на ухо; с потемневшим лицом двинулся он на девушку и ударил ее в грудь.— Уйди, постылая... — и с этим старинным словом он преобразился, как преображается ряженый, скинув маску.

Отброшенная сильным ударом, девушка повалилась на скамью. Она видела широко раскрытыми от удивления и боли глазами значки «КИМ» и «ГТО» на пиджачке, повисшем лихо с одного плеча. Она увидела ухаря, себялюбивого и расчетливого, бессердечного и лживого, из породы тех, кто, стремясь жить со всеми в мире, неспособен любить и не умеет ненавидеть. Потом слезы туманом заволокли ей глаза.

Белесая ночь сохраняла всю свою спокойную силу. Даже столбы огня, грозно качавшиеся в дыму, не могли одолеть ночи и родить тени.

Смородин уходил все дальше. Он миновал гору щебня на месте бывшего собора, достиг стоянки фотографа «Фотомомент № 2», где и ночью дыбился конь из фанеры для любителей сниматься верхом на буйном скакуне, свернул затем к «Дому колхозника» и исчез за углом.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В АНГЛИИ И США

Из вышедших в 1936-37 гг. в Англии и в США переводов произведений советских писателей прежде всего должны быть отмечены три книги А. М. Горького: сборник пьес последнего периода (издание Лоуренс, Лондон, 1937) и новые издания повестей «Детство» и «В людях» (издание Эпплтон, Нью-Йорк, 1937). Первый английский перевод повести «Детство» вышел в 1915 г., а «В людях» — в 1917 г.

За этот же период выпущены переводы следующих произведений: «Петр I» Алексея Толстого (издательство Голланц, Лондон), его же «Хождение по мукам» (Лонгменс, Нью-Йорк и Голланц, Лондон), «Цусима» Новикова-Прибоя (Эллен и Энвин, Лондон), «Педагогическая поэма» Макаренко (Нотт. Лондон).

На высшую ступень культуры

Первый Всесоюзный с'езд советских архитекторов закончил свою работу. С'езд оставляет яркий след в строительстве нашей социалистической культуры. Он еще раз на примере архитектуры продемонстрировал перед всем миром те принципиальные основы, на которых зиждется всякая творческая деятельность в нашей стране, к какой бы сфере науки, искусства и техники она бы ни относилась.

Представители архитектуры больших и малых капиталистических стран, присутствовавшие на с'езде, не могли скрыть своего изумления и восхищения творческими возможностями, которые открыты перед советскими архитекторами.

Глубоко знаменательным в этом отношении было выступление на с'езде крупнейшего американского архитектора Франка Ллойда Райта. Этот замечательный художник, оказавший большое влияние на все развитие западной послевоенной архитектуры, глубоко одинок у себя на родине. С презрением он говорил на с'езде об официальной американской архитектуре, архитектуре небоскребов.

Обращаясь к советской архитектуре, призванной отразить величие нашей эпохи и сталинскую заботу о человеке, Райт заявил:

«Страна свободы, какой является Советский Союз, должна дать великие сокровища искусства для будущего. Я уношу с собой домой яркое впечатление от ваших громадных достижений и величайшую надежду, которую я когда-либо имел о будущей жизни на земле».

Какой поразительный контраст изолированности людей искусства на Западе, их самочувствию трагических одиночек представляют те широчайшие связи с массами и опора на массы, которые имеет архитектура, как и все наше искусство в стране социализма, то любовное внимание, которым ее окружают партия и правительство.

С'езд советских архитекторов, выступления на трибуне его представителей, рабочей и советской общественности, воочию показали, какое громадное идейно-воспитательное влияние способны оказывать и оказывают массы на все развитие искусства в нашей стране и в частности на архитектуру. Мощно прозвучавший на с'езде голос страны, несомненно, окажет глубочайшее влияние на все дальнейшее развитие советской архитектуры. Показателем этого влияния служат не только решения, принятые с'ездом, но и отдельные выступления, свидетельствующие о подлинной творческой перестройке. Так, например, проф. М. Я. Гинзбург, вчерашний конструктивист, являющийся сегодня одним из представителей формализма в архитектуре, взволнованно говорил на с'езде о социалистическом реализме и о том, к чему он обязывает художника.

«Необходимо отказаться от творческого себялюбия, от творческого эгоцентризма и в максимальной степени переключить творческую энергию на тот реальный мир, который нас окружает. Талант художника должен быть направлен не на самокопание в собственной душе, а на пристальное, внимательное изучение советской действительности, на творческое обобщение новых черт этой действительности. Это должно стать фундаментом, краеугольным камнем всякого произведения, претендующего на социалистический реализм. Обедняет ли это художника? Напротив, это во сто крат обогащает его».

С'езд советских архитекторов собрался на историческом рубеже второй и третьей сталинских пятилеток, на том новом повороте в жизни нашей страны, который создан великой Сталинской Конституцией.

«Советский Союз, — говорил на с'езде зам. председателя Совнаркома СССР т. В. Я. Чубарь, — колоссально вырос, стал шагать иными темпами, стал мыслить иными масштабами по сравнению даже с недалеким прошлым».

Все это открывает широчайшие перспективы перед советским искусством, но вместе с тем налагает на него величайшую ответственность. Советское искусство, и в частности — архитектура, не могут и не должны отставать от колоссально возросших запросов страны. Именно об этом говорил т. В. М. Молотов на приеме делегаций с'езда советских архитекторов в Совете Народных Комиссаров СССР.

«Тов. Молотов подчеркнул, что перед архитекторами в нашей стране открылись широчайшие возможности в работе, возможности показать себя в создании гигантских сооружений и в массовом строительстве невиданного прежде масштаба. Вместе с тем, нельзя закрывать глаза на то, что нередко приходится встречаться с тем, как архитекторы оторваны от практического строительства, много занимаются рисованием проектов своеобразной невысокой красоты, но проходят мимо недостатков и прямых безобразий в строительстве, вроде безобразного «наследства» германского архитектора Мая и некоторых отечественных, малокультурных и чуждых советскому строю людей».

Слова тов. В. М. Молотова — это призыв поднять советскую архитектуру на новую высшую ступень культуры.

Наша страна, колоссально увеличившая свою хозяйственную и техническую мощь, обеспечившая неслыханно быстрый культурный под'ем широчайших масс трудящихся, требует от всего фронта нашего искусства, чтобы оно перешло в высший класс культуры.

Профессор Л. А. ИЛЬИН

КОНКРЕТНЫЙ ОБРАЗ ЖИЛОГО ДОМА

Ответ Мариэтте Шагинян

Мариэтта Шагинян, выступая на с'езде советских архитекторов, очень любезно «породнила» советскую литературу и советскую архитектуру. Родственной связью, увы, оказалась общая их отсталость от тех требований, которые пред'являются к ним ярко расцветающей жизнью нашей страны. К сожалению, это так. Наша социалистическая действительность неизмеримо богаче, интереснее, красочнее, чем наше искусство и литература.

— Литература, — жаловалась Мариэтта Шагинян, — не в состоянии дать полнокровный, жизненный образ героя, так как архитектура еще не создала достойной его материальной среды.

Протягивая руку помощи архитектуре, Мариэтта Шагинян говорит архитекторам:

— Создайте ту материальную среду, которая бы облегчила писателям выявление образа нового человека.

Поблагодарим за столь изысканную форму помощи. Но, говоря попросту, дело не столько во взаимопомощи литературы и архитектуры, а в том, что и перед советской литературой, и перед советской архитектурой настоятельно стоит задача — ответить новым требованиям жизни и тем самым обогатить ее.

Жилищное строительство—это важнейшая область архитектуры, в значительной степени определяющая и ее общий под'ем. Наряду с питанием и одеждой жилье — самая первая и нужная потребность, все остальное приходит за ним и из него.

Подобно одежде, которая одновременно и защищает и украшает, в архитектуре жилища две стороны — утилитарная и эстетическая. Формы жилища, их техническое, экономическое и эстетическое выражение не могут и не должны застывать, эволюционируя в соответствии с условиями и требованиями жизни.

Задача, которая была выдвинута Мариэттой Шагинян на с'езде, — о сочетании в жилищном строительстве индивидуальных черт квартиры отдельной семьи с элементами общественного быта — не нова для архитектора. Она давно сформулирована нашим многомиллионным заказчиком—советским народом.

Будущий жилой дом в системе своего квартала должен будет соответствовать облику и потребностям нового человека не только по своей внутренней организации, сочетающей изолированную комфортабельную квартиру и общественный двор, но и во внешнем своем образе.

Сейчас эта связь разорвана.

Если при оформлении интерьера квартир архитектор вынужден считаться с логикой современных форм предметов оборудования, вырабатываемых строительной промышленностью, то декоративный убор фасада сейчас идет от форм и образов давно минувших эпох. Архитектор обрабатывает фасад в каком-либо историческом стиле или, что еще хуже, смешивает при этом разные стили.

Глядя на многие современные палацообразные жилые дома, нельзя себе представить ни поведения, ни облика человека, который из него выйдет.

В поисках образа советского жилого дома архитекторы на всем пространстве СССР, от Еревана и Баку до Мурманска, вдохновлялись одними и теми же источниками — старыми книгами и увражами, забывая, что истинное искусство архитектуры заключается не в абстрактном, а в конкретном ответе на требования жизни соответственно реальным условиям данного места.

Мы склонны до сих пор разрешать архитектурный образ жилого дома не изнутри, а снаружи.

Раковину мы принимаем за организм и зачастую новое содержание облекаем в прекрасную, но мертвую форму.

Сознание этой ошибки все глубже проникает в среду архитекторов.

Классическая архитектура учит нас не только ясности, простоте и логичности архитектурного языка, но и конкретному учету местных условий. Жилой дом в Помпее, английский коттедж, дом где-нибудь в Средней Германии — все это различные конкретные типы жилья, отвечающие локальным условиям.

Соответственно этому мы должны научиться выражать советский образ жилья не безлично, а во всем многообразии социалистической действительности. Нужно дать комфортабельное жилье, но разное в Баку и Кировске.

Только при этом условии писатели действительно получат благодарный материал для изображения среды, в которой живет, растет и развивается новый человек нашей родины.

По первым строкам ваших произведений мы сможем понять не только, когда происходит действие, но и где.

Старшая пионервожатая Рая Бродская (Ленинград) с группой баскских детей. (Союзфото)

Николай ПАНОВ

Испанский гость

(Глава из поэмы «Командир танка»)

Он к нам приехал
На праздник мая,
Нам от мадридцев
Привез поклон...
Ждали мы в клубе его...

Хромая,
Руку приветственно подымая,
Проковылял по трибуне он.
Как мы приветствовали испанца!
Был командирами полон зал.
— Республиканец Хаиме Панса
Прибыл к нам в гости!
Комкор сказал.
Кажется, гость был смущен при виде
Вставшего зала... Оваций гул...
Он улыбаясь поправил свитер
Над гимнастеркой...
Ладонью вытер
Желтую кожу костлявых скул...
Рот белозубый... На коже знаки—
Может быть шрамы от пуль и бомб?
...В стираном летнем костюме хаки,

В форменной шапочке цвета хаки,
С кисточкой над широким лбом—
Сел он взволнован и деликатен,
Облокотившись на край сукна...
Вот что узнал я о делегате
Из-под Мадрида прибывшем к нам:

Он родился под крестьянской крышей...

Холоден ветер. Земля суха.
В поле, по глине крутой и рыжей
Не зацепляясь скользит соха.
А на горе, за зубцами замка
Жил неприступный помещик — гранд.

Толстая грандиха — злая самка,
Тонкий гранденыш — драчун и франт.
Землю вспахать ли, нужда в воде ли —
Могут позволить, а могут нет...
Гранды и монастыри владели
«Сушей, водой и богатством недр»...

Все, что трудом добывал Хаиме,
Все, что растил, проливая пот,
Он отдавал руками своими
В пользу монахов, попов, господ...

И, наконец,
Нехватило мочи:
Княжеский дом на горе горит,
Скрылся кюре под защиту ночи,
Знатный сеньор ускакал в Мадрид...
Землю народу!
Он ждал веками
Этой господской, большой земли!
Вооружившись дробовиками
Ходят крестьянские патрули.
Как им работалось в это лето!
Пели сердца...
Но приходит слух:
Казни в Севилье, в огне Толедо,
Это сеньоры восстали! Это
Движется армия барских слуг.
Герцоги, доны, князья и гранды,
Воры, убийцы и шулера,
Римляне, русские эмигранты:
— Тейфель! Карамба!
— К чертям! Ура!
...Я представляю себе воочью:
Колокол. В стойлах тревожный скот.
Лица суровые. Поздно ночью
Площадь базарная. Собран сход.
Как на камнях, в тесноте проулков
Свет фонарей возникал и меркн.
— Но пасарáн!
Раздавалось гулко
И кулаки подымались вверх.
И началось...
Лагеря, походы.
Ночи без сна и без пищи дни...
Самоотверженный бой пехоты
Против крылатой стальной брони.
Скрежет идущих в атаку танков,
Свастика и королевский флаг,
Легионеры бандита Франко:
— Хейль! Сакроменто!
—Инш'аллах!
Но несмотря на бомбеж и танки
Вьется малиновый рваный шелк —
Знамя, с которым идет в атаки
Непобедимый крестьянский полк.
Если винтовок нехватка —
Косы,
Вилы, навахи пускают в ход!
Есть же страна, где цветут колхозы,
Край, где владеет землей народ!
Каждая на счету обойма.
Мало винтовок.
Во всем нужда...
Панса в разведку пошел.
И пойман.
И приведен во враждебный штаб.
Дикими травами пахла сьерра,
Хрустнула высохшая лоза...
Стэк иностранного офицера
Огненной болью обжег глаза.
В рясе кюре и в мантильях дамы,
Плац возле лагеря каменист...
— Бауер? Партенгандер? Дейне наме? *
Ты без сомнения коммунист?
Молча, со связанными руками,
Ждал он — нахмурен и невысок.
Немец кивнул, обернувшись к даме...
Первым нагнулся кюре — и камень
Брошенный им — оглушил висок.
Панса шатнулся. Нагнулась дама,
Шаря по голой земле вокруг.
Камни неслись — тяжело и прямо
Из обезумевших женских рук.
Он на колени упал. Хлестали
Острые глыбы. Стекала кровь.
Он приподнялся и крикнул —
Сталин!
И под ударами рухнул вновь.
Ночью очнулся. Придавлен грудой
Остроконечных ребристых глыб.
Полуослепший и смуглогрудый
Полз под ветрами горячей мглы...
Из лазарета опять в траншеи,
Снова сраженья в огне крутом...

...Вот он сидит — с исхудалой шеей,
С обезображенным пыткой ртом.
Он, говорящий наречьем песни,
Голосом музыки боевой,
Он к нам пришел, как суровый вестник
Будущих, неотвратимых войн.
Вот он — винтовку носящий криво,
Шедший хромая, в крови скользя.
Он, восклицающий:
— Сталин, вива!
С жестом, который забыть нельзя.
Республиканец — Хаиме Панса,
С сумрачным блеском запавших глаз...

Я никогда не видал испанца,
Я увидал его в первый раз.

* По-немецки — Мужик? Партизан? Твое имя?

В ПАРТОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

25 июня на общем собрании парторганизации союза советских писателей обсуждался вопрос о Ю. Либединском.

Ю. Либединский — выходец из мелкобуржуазной среды, влияние которой наложило отпечаток на его биографию. Шатания, путаница типичны для него. Больше того — в биографии Либединского есть моменты, внушающие очень большие сомнения. Так, например, по его словам, когда в 1919 году Сибирь была занята колчаковской армией, его вызвали в колчаковскую контрразведку и взяли подписку о невыезде. Вскоре после этого Ю. Либединский... оказался солдатом колчаковской армии.

В литературу Ю. Либединский вошел своей повестью «Неделя». Уже в первом произведении ясно дали себя чувствовать троцкистские установки. Крестьянство изображается Либединским как стихия, способная захлестнуть рабочий класс.

В 1923—24 гг. Либединский примыкает к троцкистам и издает махровую троцкистскую повесть «Завтра». В 1929 г., порвав, якобы, с троцкистами, Либединский признал свою повесть «Завтра» — троцкистской. Однако, в 1931 г. он вновь переиздал ее. Троцкистское нутро Либединского сказалось и в последующих его книгах: «Комиссары» и «Рождение героя».

С 1922 по 1932 год Либединский— ближайший соратник и интимный друг врага народа Авербаха — автор многих троцкистских лозунгов и теорий налитпостовской группы РАПП.

С 1932 года Либединский выпустил несколько серых и явно недоработанных очерков. В партийной жизни он проявлял крайнюю пассивность.

Товарищи, выступавшие на собрании, вполне основательно охарактеризовали Либединского, как человека, не оправдавшего основного требования, пред'являемого к большевику: он не был выразителем авангардной роли коммуниста, шел в хвосте и, больше того, приносил вред своей творческой, политической и практической работой.

Выступавшие в прениях тт. И. Френкель, Ф. Березовский, М. Оськин, И. Касаткин и другие поддерживали постановление парткома ССП об исключении Ю. Либединского из рядов ВКП(б), как неоправдавшего доверия партии.

Парторганизация ССП подавляющим большинством голосов постановила Либединского из партии исключить.

Первый выпуск

Сегодня Литературный институт союза писателей проводит первый выпуск студентов, окончивших институт.

Задача института — дать молодым писателям и поэтам высшее литературное образование и помочь развитию имеющегося у них творческого дарования.

Проведенные государственные экзамены по специальным дисциплинам: литературе СССР, всеобщей литературе и теории литературы показали, что большинство студентов неплохо разбираются в литературе, глубоко и серьезно проработали большой и сложный курс. Некоторые студенты обнаружили несомненную способность в научно-исследовательской работе. Многие стали печататься в газетах и литературных журналах (Алигер, Долматовский, Попов-Яшин, Лебедев, Симонов и др.). Коллективом студентов (Факторович, Шапиро и Саблин) был собран интереснейший материал о работе товарища Серго в Ингушетии. Активно работало творческое об'единение при институте. Много пользы принесла студентам организованная институтом летняя творческая практика.

Конечно, далеко не все студенты, окончившие институт, останутся в литературе как писатели, поэты, критики. Но несомненно, что институт воспитал квалифицированных литературных работников для газет, журналов, для литературных консультаций.

Несмотря на четырехлетний срок существования и наличие уже некоторого опыта, в работе института еще очень много недостатков.

Только в последний год были окончательно составлены учебные программы и учебные планы в соответствии с указаниями Комитета по высшей школе при СНК. Далеко не блестяще поставлена работа творческих семинаров. Нет достаточного внимания к творчеству каждого студента.

Руководители семинаров не всегда умеют вскрыть отрицательные влияния на творчество студентов и помочь им в их преодолении. Между тем эти отрицательные явления оказывают большое воздействие на творчество молодых писателей и поэтов. Некоторая оторванность от жизни, узость кругозора, отсутствие своей темы, недостаточно высокий культурный уровень, схематизм, упрощенчество — все это затрудняло творческий рост многих молодых авторов.

Студенты первого выпуска покидают сегодня институт. Опыт четырехлетней работы со студентами первого набора выдвигает перед институтом громаднейшие задачи. Без помощи союза советских писателей и всей литературной общественности с этими задачами институту справиться очень трудно.

Четыре года назад, в день открытия тогда еще Рабочего литературного университета многие заслуженные писатели произносили торжественные речи и давали горячие обещания повседневно помогать воспитанию молодых литературных кадров. К сожалению, почти никого из них так и не увидел институт в своих стенах в течение этих четырех лет.

Союз в целом и отдельные писатели должны принимать в работе института самое живое, непосредственное участие, какое принимают мастера искусства в работе консерватории. Воспитание молодых творческих кадров — большая и сложная работа.

Надо не только говорить об этой работе на торжественных заседаниях, но и активно в ней участвовать.

АЛ. ИСБАХ, Н. ОГНЕВ, М. БОРСКИЙ, В. СИДОРИН

А. А. Бестужев-Марлинский

★

К столетию со дня смерти

★

Сто лет назад, 19 июня 1837 г., на Кавказе, при взятии мыса Адлер, был убит Александр Александрович Бестужев, известный в русской литературе под псевдонимом Марлинский.

Популярность Марлинского в те годы была огромна. Критики посвящали восторженные статьи его произведениям. Читатели и читательницы старались походить на его героев. Молодой Лермонтов рисовал в своих тетрадках иллюстрации к «Аммалат-Беку». «Мулла-Нур» и «Лейтенант Белозор» (названия повестей Марлинского) вызывали множество подражаний.

Марлинский задыхался в душном воздухе России Николая Палкина и Бенкендорфа, правительство боролось с ним и, не сумев победить, убило. Убийство Бестужева было таким же сознательным актом Николая I, как и убийство Пушкина. Это знали уже тогда передовые представители общества, об этом есть много свидетельств в письмах и мемуарах современников.

Брат Александра, Михаил Бестужев, известный декабрист, отбывавший в то время каторгу в Сибири, пишет в своих записках: «Смерть брата Александра... произвела не только на нас (т. е. братьев Н. и М. Бестужевых. — **Л. Г.**), но и на всех наших товарищей какое-то потрясающее действие, как будто происшествие, внезапно постигшее нас, тогда как все, а особенно мы с братом, были уже к этому подготовлены и письмами его, в которых прорывалась его решимость искать смерти, и уже заметным намерение **вывести его в расход**».

Один из знакомых А. Бестужева, рассказывая об обстоятельствах его гибели, пишет, что перед сражением А. Бестужев, в ответ на просьбу товарищей не подвергать себя опасности, заявил: «Найдутся люди, что и порадуются моей смерти».

Жизнь и творческая судьба Ал. Бестужева необыкновенны. «Многие ценят слишком высоко мои сказки, никто — меня самого, никто — моей печальной истории», писал он незадолго до смерти. Один из активнейших деятелей Северного общества декабристов, лучший друг К. Рылеева, он был заточен в крепость в расцвете своей литературной деятельности.

Недостаток места не позволяет нам подробно осветить его жизнь, укажем лишь одну черту в его характере, бросающуюся в глаза каждому исследователю его биографии: необычайную жизненную стойкость, мужество, умение работать в самых трудных условиях.

Лишенный прогулок, книг, бумаги в Финляндской крепости (форт «Слава»), он толченым углем на табачной обертке пишет драматическую поэму из русской истории «Андрей Переяславский». Сосланный на Кавказ, обреченный на тяжелую солдатскую службу «без права выслуги», сперва в захолустном гарнизоне, а затем в беспрестанных походах и сражениях, он создает лучшие свои произведения.

Два раза пришлось ему завоевывать себе славу, и еще при жизни вокруг его имени стали создаваться легенды. Легенды эти надолго пережили литературную славу А. Бестужева. Ему неоднократно приходилось в письмах к друзьям опровергать слухи о своей смерти, и когда он был уже действительно убит, долго не хотели верить этому. Говорили, что он перешел к Шамилю и командует у него всей артиллерией. Некоторые даже считали, что Шамиль это и есть Бестужев.

Каково бы ни было происхождение этих легенд, но из них явствует то, что современники Бестужева и следующее за ними поколение ясно видели оппозиционность его к правительству Николая I, непримиримую вражду между ними.

В письмах А. Бестужева из Сибири и Кавказа есть много замечаний о Пушкине, об отдельных его произведениях. Некоторые из них поражают нас своей несправедливостью. Но во всех этих замечаниях чувствуется глубочайшее уважение к Пушкину, преклонение перед его талантом. Еще в 1831 году Бестужев безоговорочно называл Пушкина гением.

Несмотря на творческие разногласия, они ощущали себя союзниками в борьбе с канонами поэтики классицизма, в борьбе за создание нового литературного языка.

В письме к Полевому Бестужев выступал в защиту Пушкина от нападок Булгарина, упрекавшего великого поэта в том, что тот не воспел славу Паскевича после своего путешествия по Кавказу.

Пушкин с своей стороны с большим интересом относился к произведениям Бестужева, и, несомненно, Бестужев оказал влияние на его прозу, в частности на «Повести Белкина». Якубович устанавливает, что одним из прототипов образа Сильвио в «Выстреле» является герой повести Бестужева «Вечер на кавказских водах в 1824 году» *. Не случайно и то, что Пушкин взял эпиграф к «Выстрелу» из «Вечеров на бивуаке» Бестужева.

Собираясь издавать «Современник», Пушкин, очевидно, просил Бестужева сотрудничать в нем. В письме к брату Павлу от 15 марта 1836 г. Бестужев пишет: «...Я мог бы приготовить, выбрать что-нибудь получше для его журнала, ежели б знал заблаговременно. Теперь кочевой солдат, я не знаю, когда удастся мне найти стол (на Кавказе это эпоха) и за столом вдохновение. Во всяком случае я пошлю ему статью, когда — пусть не винит меня за время: время не принадлежит мне». Но этому сотрудничеству не удалось осуществиться: меньше чем через год Пушкин был убит, а вскоре был убит и Бестужев

Известие о смерти Пушкина произвело на Бестужева огромное впечатление. Он узнал о ней, находясь в Тифлисе. «Меня глубоко огорчила смерть Пушкина, — писал он брату. —Я не смыкал глаз всю ночь... Да, я чувствую, что моя смерть тоже будет насильственной, необычной и близкой. Слишком горячая кровь кипит в моих жилах, годы мои не угомонят ее... Преступление Дантеса, или его несчастие в том, что он убил Пушкина, — и этого более чем достаточно, чтобы сделать ему вину непрощаемой в моих глазах. Да будет же ему известно, что он или я не переживем нашей первой встречи».

Хороший знакомый Бестужева, татарский поэт Мирза-Фетх-Али откликнулся на смерть Пушкина поэмой, которую Бестужев перевел на русский язык. Это было одним из его последних произведений. Впервые перевод был напечатан в «Русской старине» в 1874 г. и перепечатан в этом году в пушкинском номере «Нового мира».

Литературная деятельность Бестужева была чрезвычайно разнообразной. Критик, поэт, прозаик, редактор, автор революционных солдатских песен, он был одним из образованнейших людей своего времени. В его формулярном списке, хранящемся в следственном деле о декабристах, указано, что он знал четыре европейских языка, впоследствии он изучил еще два или три, не считая нескольких языков народов Кавказа, на которых он говорил, как прирожденный горец.

Среди произведений Бестужева наибольший интерес представляют повести и рассказы, в которых он показал жизнь современного ему общества и завоевание Кавказа. По «Аммалат-Беку», «Кавказским очеркам» и «Мулла-Нуру» русский читатель впервые получал близкое к истине представление о природе Кавказа, о героической борьбе горцев, о их быте.

Биограф Бестужева Н. Котляревский правильно указывает, что Марлинский открыл в литературе русского солдата и офицера, что до него читатель знал о них лишь то, что они христолюбивы и победоносны.

Любимым героем Бестужева был сильный, яркий человек, резко выделявшийся из окружающего общества, тяготившийся им. Этот герой был взят не столько из жизни, сколько из Байрона, из романтических мечтаний передового дворянства, стремившегося противопоставить себя окружающей действительности.

Аммалат-Бек и капитан Правин (герой повести «Фрегат «Надежда») расплодили множество подражателей, и недаром Л. Толстой и Тургенев в своих рассказах о 30-х годах часто показывают людей, «образовавшихся по Марлинскому» (Л. Толстой). Несомненно, что и лермонтовский Печорин принадлежит к этому же типу.

Успеху Бестужева немало способствовал его остроумный, живой, метафорический язык. В те годы, когда он начинал свою литературную деятельность, русский прозаический язык еще только создавался. Пушкин и Бестужев были первыми писателями, кто решительно распрощался со славянизмами и иностранными оборотами речи, характерными для представителей школы Шишкова или Карамзина.

Уже современная критика, с легкой руки Белинского, часто упрекала Бестужева в излишнем остроумничании, в вычурности языка. Бестужев признавал правильным этот упрек, но оправдывался тем, что язык его произведений — это он сам, его характер, его темперамент.

Бестужев был признанным лидером русских романтиков, и его роль в борьбе за новую литературу была чрезвычайно велика. Но, когда появился Гоголь, когда была напечатана пушкинская проза, начавшая собой «Золотой век» русского реализма, ярко обнаружилась романтическая приподнятость в стиле Бестужева, его манерность и искусственность. Это первым заметил гениальный Белинский, нанесший в «Литературных мечтаниях» сильный удар по репутации вождя романтиков и особенно по его многочисленным эпигонам. Но резко отрицательное отношение к «марлинизму» (термин, пущенный Гречем) не мешало Белинскому высоко оценивать роль Бестужева в создании новой литературы.

В статье «О русской повести и повестях Гоголя» он пишет: «Марлинский был первым нашим повествователем, был творцом, или, лучше сказать, зачинщиком русской повести... Между множеством натяжек в его сочинениях есть красоты истинные, неподдельные». И дальше: «Марлинский начал свое поприще с повестей русских, народных, т. е. таких, содержание которых берется из мира русской жизни. Как опыт, как попытка, они были прекрасны и в свое время заслужили справедливое внимание; но как произведения не созданные, а сделанные, они теперь утратили свою цену».

В статье о полном собрании сочинений Марлинского Белинский пишет, что Бестужев неизмеримо выше по дарованию Хераскова, Сумарокова, Княжнина и Богдановича, что он всеми силами старался приблизиться к действительности, к естественности. Здесь же Белинский отмечает, что русская литература многим обязана Бестужеву как критику. «Не забудем, что он — первый, сказавший в нашей литературе много нового, так что все писавшееся потом в «Телеграфе» было повторением уже сказанного им в литературных обозрениях».

Слава Бестужева угасла так же быстро, как и возникла. Уже в 60-х годах он был занесен в разряд забытых или полузабытых писателей, и с тех пор его имя вспоминалось чаще всего для литературных аналогий.

Стесненный рамками самодержавного строя, загнанный на глухой тогда Кавказ, травимый царскими генералами и цензорами, талант Бестужева не мог вполне развернуться. Он сам чувствовал это, и в его письмах с Кавказа есть не мало жалоб на постоянные преследования начальников, на отсутствие времени и необходимых книг.

«Сознаюсь, что я считаю себя выше Загоскина и Булгарина, — писал он, — но эта высь по плечу ребенку. Чувствую, что я не недостоин достоинства человека со всеми моими слабостями, но знаю себе цену и как писатель, знаю и свет, который ценит меня. Сегодня в моде Подолинский, завтра Марлинский, послезавтра какой-нибудь Небылинский, и вот почему меня мало радует моя ходячесть. Я недоволен своими созданиями. Это дети, иногда забавные, иногда милые, порой даже умненькие, но дети, но карлы...».

Подготовляющееся сейчас, через сто лет после смерти А. А. Бестужева-Марлинского, издание его избранных произведений кажется нам вполне своевременным.

Л. ГЛАДКОВ

* См. статью Якубовича в издании «Повести Белкина», Гослитиздат, Л., 1936.

НА ОБЩЕМ СОБРАНИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Избрано новое правление ЛенССП

От нашего корреспондента

На общем собрании в марте 1937 года ленинградские писатели заявили, что они не удовлетворены работой правления ЛенССП.

Притупление политической бдительности правления, оторвавшегося от писательских масс, забывшего основные принципы советской демократии, привели к тому, что фактическое руководство работой союза оказалось в руках заклятых врагов народа.

Пользуясь неработоспособностью ряда членов правления и политической беспечностью правления в целом, троцкистские агенты проводили в союзе подлую вредительскую работу, всячески мешая литературной организации выполнять политические и творческие задачи, поставленные перед нею. Как сообщалось в свое время в «Литературной газете», писатели постановили в течение трех ближайших месяцев избрать новое бюро творческих секций и, наконец, провести выборы нового правления ЛенССП.

25—26 июня состоялись новые выборы правления ЛенССП.

С отчетным докладом о работе правления выступил **Н. С. Тихонов.**

Часть доклада т. Тихонова, посвященная подготовке к 20-летию Октября, оказалась очень скомканной, свидетельствуя, что эти вопросы в работе правления так и не нашли должного места. Во всяком случае, т. Тихонов располагал очень скупыми и не всегда точными сведениями о творческой работе писателей к двадцатой годовщине Великой пролетарской революции.

В прениях выступили: Т. Трифонова, Е. Шварц, Б. Лавренев, Н. Чуковский, Ю. Берзин, В. Голичников, А. Гитович, В. Каверин, П. Евстафьев и др. Писатели привели новые факты, иллюстрирующие вредительскую работу врагов народа в союзе. Все товарищи подчеркивали, что в последние месяцы правление союза в тесном контакте с партийной организацией действительно перестраивает работу. Б. Лавренев в своем выступлении отмечает большую работу, проделанную партийным комитетом ЛенССП по укреплению связи коммунистов и беспартийных писателей; эту тесную, нерушимую связь пытались уничтожить Горелов и его соратники.

С большим интересом была выслушана речь секретаря партийного комитета Ленсоюза писателей тов. **Мирошниченко,** говорившего о некоторых методах работы шпионов и вредителей, затесавшихся в литературную организацию.

...Несколько лет назад в ленинградской литорганизации появился некто Брустов, выдававший себя за немецкого литератора-эмигранта. Брустов быстро нашел себе друга и покровителя в лице Горелова, являвшегося тогда ответственным секретарем Ленсоюза. Горелов немедленно создает Брустову все условия для «плодотворной работы». Дружба Брустова и Горелова крепнет! Брустов обучает Горелова немецкому языку, Горелов Брустова — русскому. И никто не удивляется, что Брустов в течение... двух недель начинает свободно разговаривать по-русски.

Брустова немедленно принимают в союз писателей, более того, назначают на ответственную работу, забывая даже проверить, что писал этот «литератор» в прошлом и где он печатал свои писания. Через некоторое время Брустова направляют в творческую командировку на... канал Волга—Москва, в Азербайджан... И только в конце прошлого года Брустов был разоблачен как шпион!..

— Не случайно, — замечает т. Мирошниченко, — Брустов опирался в своей шпионской деятельности на Горелова, одного из руководителей антипартийной группировки Литфронта, продолжавшего вести свою антипартийную, вражескую работу. Деятельность Горелова — яркий пример методов работы врага.

Был в рядах ленинградской литорганизации «писатель народов Севера». Многие из нас удивлялись: почему сей «северный житель» не умеет ...ходить на лыжах! Удивлялись и другим странностям в общественном и бытовом поведении этого «писателя». Но всерьез никто над этим не задумывался. А между тем этот «писатель» то и дело уезжал на Дальний Восток — якобы собирать материал. Уезжая, он приказывал жене присматриваться к тем людям, которые будут о нем спрашивать, но никому **под страхом смерти** (!) не раскрывать его местопребывание.

В последнее время этот человек добивался командировки в Мурманск и другие пограничные местности. Не так давно он пытался получить в партийной организации ходатайство на разрешение хранить... две нарезные винтовки и один маузер!

В детской секции, в которой числился этот писатель, используя наименее устойчивую часть молодых авторов, он сеял всяческие склоки, стремился расколоть детских писателей.

Недавно с помощью партийной организации ЛенССП «северный писатель» был разоблачен и оказался шпионом, переброшенным одной иностранной разведкой в Советскую страну.

Знали мы в Ленинграде и другого «писателя», который чрезвычайно интересовался патефонными пластинками, преимущественно заграничного происхождения. Ну, конечно, коллекционируя заграничные пластинки, он заходил в порт, знакомился с господами, прибывающими на иностранных пароходах. Потом к нему на квартиру стали приходить какие-то представители заграничных фирм. Славные органы НКВД сумели разглядеть, что скрывается за невинным коллекционированием патефонных пластинок. В уголовном кодексе деятельность этого коллекционера называется изменой родине.

Поэта Корнилова много лет считали только пьяницей и дебоширом. Он хулиганил, скандалил, избивал жену, вел себя непристойно, как писатель и гражданин. Но что поделаешь с пьяницей? Между тем этот пьяный поэт писал контрреволюционные стихи и распространял их в списках.

По дороге из одного кабака в другой он какими-то путями попадал в некоторые иностранные консульства. А в квартире его «каким-то образом» находились секретные документы. Важно вспомнить, что именно на Корнилова и на террориста Павла Васильева делал крепкую ставку Бухарин.

Пребывал в Ленинграде и другой пьяный поэт — В. Князев. На его контрреволюционные разговорчики никто не обращал серьезного внимания. А этот человек, связанный с Зиновьевым и Каменевым, прикрываясь пьяным юродством, вел прямую фашистскую «работу».

Все эти факты говорят о том, что ни на минуту нельзя забывать, что наша страна находится в капиталистическом окружении.

Доклад товарища Сталина на пленуме ЦК вооружил нас, дал нам в руки боевое оружие для ликвидации идиотской болезни — беспечности, для уничтожения всех троцкистских последышей, фашистских наймитов, шпионов, диверсантов. Нам помогают в этом и указания т. Жданова на ленинградской партийной конференции.

Надо удесятерить нашу бдительность, разоблачая всяческие враждебные группировки в литературе, на которые всегда стараются опереться шпионы и диверсанты.

В последнее время партийная организация союза, с помощью беспартийных писателей, разоблачила ряд троцкистских агентов в литературе. Мы правильно исключили из партии Свирина, который вел наиболее тонкую и искусную игру. Он дольше всех сумел маскироваться. Даже при исключении Свирина не все товарищи сумели разглядеть лицо двурушника и пытались защищать его. Сейчас Свирин разоблачен как враг народа. Маска сорвана окончательно!

— Сейчас, — заканчивает свою речь т. Мирошниченко, — как никогда, сплочены коммунисты и беспартийные писатели вокруг партии Ленина—Сталина. Никому не удастся расколоть наше единство, помешать делать большое дело, порученное советской литературе партией большевиков.

Последним на собрании выступил тов. **Цильштейн.**

— После нашего мартовского собрания, — сказал он, — прошло не так много времени, но не случайно все товарищи заявляют, что эти месяцы были для союза необычными. Нет никакого сомнения, что союз стал жить активной политической жизнью.

Основная работа союза была направлена на выкорчевывание остатков врагов народа, остатков авербаховщины и других враждебных группировок. Останавливаясь на тактике авербаховско-горбачевской агентуры в литературе, т. Цильштейн указывает на необходимость продолжить эту работу, не допуская здесь никакого либерализма и прекраснодушия. Задача союза и его секций — ликвидировать идеологическое вредительство на литературном фронте.

Тов. Цильштейн резко критикует плохую работу к двадцатилетию Октября.

Нельзя готовиться к двадцатилетию Октября так, как это делает бюро драмсекции, разославшее драматургам анекдотические письма:

«Уважаемый товарищ! Для низовых самодеятельных кружков необходимы к двадцатилетию Октября небольшие пьесы. У каждого из нас имеются в архивах произведения, писанные к 10-й и 15-й годовщине Октябрьской революции. Их надо пересмотреть, и вполне возможно, что какая-то часть из них может быть использована сейчас. Секция просит вас проверить свой архив и передать отобранные рукописи в секцию не позднее 25 июня... По поручению секции **Д. Щеглов».**

Иными словами, секция собирается к двадцатилетию Октября издавать архивы, а не новые произведения, посвященные величайшему празднику пролетариата.

Далее т. Цильштейн говорит о работе среди молодежи, о воспитании новых литературных кадров.

Приступая к выборам правления, собрание выставляет 45 кандидатур. После обсуждения списка кандидатур для тайного голосования остается 34 человека. Закрытым (тайным) голосованием в правление ЛенССП избраны:

1. **Н. Тихонов,** 2. **И. Цильштейн,** 3. **М. Зощенко,** 4. **Ю. Тынянов,** 5. **А. Фадеев,** 6. **Г. Мирошниченко,** 7. **А. Толстой,** 8. **О. Форш,** 9. **Вяч. Шишков,** 10. **Б. Лавренев,** 11. **А. Шабанов,** 12. **Е. Шварц,** 13. **А. Прокофьев,** 14. **Д. Выгодский,** 15. **М. Слонимский,** 16. **В. Каверин,** 17. **Н. Брыкин,** 18. **М. Фроман,** 19. **Л. Раковский,** 20. **А. Чапыгин,** 21. **Е. Федоров.**

В ревизионную комиссию избраны: 1. **Ф. Князев,** 2. **Н. Чуковский,** 3. **А. Чирков,** 4. **И. Никитин,** 5. **В. Орлов.**

■ ■ ■

На-днях в Москве прошел с большим успехом общественный просмотр нового фильма **«Петр I»** (сценарий Алексея Толстого и В. Петрова; режиссер В. Петров. Производство киностудии «Ленфильм»). На нашем снимке: кадр из фильма — сцена в горнице Алексея в Новгороде. Петр — артист **Н. Симонов,** Меньшиков — артист **М. Жаров**

С. МАШИНСКИЙ, Е. ЯНКЕЛЕВИЧ

«О народных богатырях и критических пигмеях»

В порядке обсуждения

Историк Ковалев находит возможным воскресить применительно к Гомеру, полулегендарному певцу эпохи доклассового родового строя, рапповскую теорию «социального заказа». Этому историку совершенно понятно, «почему быт низших классов не отразился у Гомера». По его мнению, это было вызвано «социальным заказом», данным поэту и певцу греческим обществом той эпохи, когда создавался эпос. «Он складывался для знати и в интересах знати, — пишет он, — на собраниях и пирах которой пели рапсоды. Поэтому рапсоды описывали и воспевали лишь то, что интересовало знать, а быт низших классов, конечно, ее не интересовал»[1]. Такое понимание зарождения греческого эпоса, «создаваемого для знати» своего рода «обслуживающим персоналом» — околоцарским окружением, непосредственно совпадает с пресловутой теорией о дружинно-боярском или княжеско-феодальном генезисе русских былин.

Исходным пунктом этих построений является столь же прямолинейный, сколь и ошибочный силлогизм: раз герои эпоса наделены могуществом, богатством, независимостью, а в современной им исторической действительности этими качествами обладало только высшее сословие, следовательно, герои принадлежат отнюдь не к бесправному народу, а к княжеско-боярскому меньшинству.

Ни на секунду не забывая о существенном различии между русским эпосом, сложившимся в эпоху раннего феодализма, и эпосом греческим, сложившимся в пору «военной демократии» (Энгельс), мы вправе, однако, задаться вопросом, почему в греческих, а порой и в русских памятниках народного творчества отсутствует демократический герой в его непосредственно-исторической данности.

Уже диалектическая мысль Гегеля пыталась разрешить противоречие, заключавшееся между народной тенденцией греческого эпоса и тем, что носителями этой тенденции неизменно оказывались представители верхов.

«Искусство, по словам Гегеля, избирает преимущественно для изображения одно сословие — князей», и оно делает это «вовсе не из чувства превосходства (Aristokratie), а из совершенной свободы воли и творчества (Hervorbringens), которые реализованы в представлении княжения»[2]; (или, скажем мы проще и правильнее, находятся во власти князя). В отличие от них подчиненные сословия, по Гегелю, неблагодарный материал для эпического искусства, поскольку их свобода ограничена, как гражданским устройством (законы), так и своеволием высших.

Конечно, было бы неверно абсолютизировать эти положения, как к тому есть тенденция у Гегеля. Самый факт появления в позднейших литературах вполне реальных образов страдающих и борющихся крестьян свидетельствует об ошибочности этой тенденции. Но в эпосе мы имеем дело с **особым идеализирующим реализмом.** Не аристократ воспевается аэдом или сказителем, а рядовой представитель народа со всеми его думами и чаяниями превращается в героя и наделяется силой и властью для осуществления этих чаяний. Поэтому и в быту герои большей частью одаряются богатством, слугами, оружием, — т. е. всеми аттрибутами социальных верхов.

И Геракл, расчищающий Авгиевы конюшни, и Микула, лично обрабатывающий свое огромное поле, и Гермес — первый пастух, научивший эллинов скотоводству, и Волх, не брезгующий никакой работой, и Муромец, выполняющий самые разнообразнейшие обязанности, все они не только не являются олицетворением аристократического идеала безделья и праздности, но, наоборот, всем своим существом подчеркивают трудовой общественно-полезный, отнюдь не эксплоататорский, характер своей деятельности.

---

[1] Ковалев, История античного общества. Греция. Стр. 102. 1936.

[2]. Hegel, «Vorlesungen über die Aesthetik». B. I, S. 262; Stuttgart. 1927 г.

Весьма любопытно, что и Илья, когда ему в благодарность за освобождение города Смолягина от татар предлагают остаться в городе воеводой, гневно восклицает:

«Не хочу я жить у вас воеводою»
ибо
«Не дай господи делати с барина
холопа,
С барина холопа, с холопа
дворянина,
Дворянина с холопа, из попа
палача,
А также из **богатыря воеводу»**[3].

В героическом эпосе в очень незначительной степени отражаются следы личных или семейно-бытовых отношений. Он в несравненно большей мере проникнут гражданской проблематикой. Недаром достоинство эпических героев Гегель усматривает в том, что они «из личного своеволия» «совершают справедливое и нравственное», т. е. — что вся их деятельность органически связана с идеалами народа.

Подобно тому, как сказка о ковресамолете или сапогах-скороходах, как заметил Горький, отражает мечты о более совершенных средствах передвижения, так и необычайная физическая сила Волха Всеславьевича есть мечта о более совершенных средствах защиты народа от его врагов.

Замечательно тонко заметил эту особенность Н. А. Добролюбов: «В живой действительности,—писал он,— народ не видел никакого средства управляться со своими поработителями и должен был безмолвно склониться перед их силой. Но тяжела ему была эта покорность; и он все не оставлял мечтать о средствах освобождения. Чем далее эти мечты от действительности, тем более они принимали детский характер; в них являлись и волшебники, и оборотни, и неестественных размеров богатыри, и разумные кони, и наговоры еретические»[4].

Таким образом Добролюбов прекрасно осознавал реальный смысл эпической фантастики. Он показал, что ее «детский характер» — правильно подчеркнутая им стилевая особенность идеализирующего былинного реализма — является своеобразным отражением общественных противоречий на низкой ступени их развития.

Вопрос о народности самого популярного героя русского былевого эпоса так называемого киевского цикла — Ильи Муромца не нуждается уже сейчас, кажется, в дополнительной аргументации. Сила и обаятельность этого образа заключается именно в том, что он с такой мощью воплотил в себе настроения, чаяния широких масс русского народа. Илья — бескорыстно дарящий свою помощь угнетенным, обороняющий Русь от внешних ее врагов, ненавидящий бояр и попов (см., например, былину «Застава богатырская»), подымающий подчас бунт против самого князя — этот образ гордого и свободного плебея естественно должен был пользоваться наибольшим признаньем и любовью народа, превратившись в апофеоз героического эпоса. Не случайно Илье Муромцу посвящено наибольшее количество былин.

Современная фольклористика создала теорию о том, что богатырский эпос, будучи генетически связанным с боярско-дружинной средой, в процессе своей эволюции перешел в среду зажиточного крестьянства. По этой теории, черты, характеризующие бунтарство Ильи, являются результатом последующих наслоений[5], а отнюдь не органически присущими в первоначальной редакции образа.

С этой точки зрения весьма любопытной оказывается трактовка образа князя Владимира. Он выступает в некоторых былинах как почти нарицательное выражение трусости, жадности, честолюбия, коварства.

Анализу этого образа посвящена целая литература. Многие исследователи, желая как-то оправдать возникновение в былинах подобного отрицательного образа князя, подыскивали ему чисто литературные аналогии и находили их в... иранском эпосе! Так, Вс. Миллер в своих «Экскурсах в область русского народного эпоса» связывал происхождение былинного Владимира с царем Кейкаусом — современником национального иранского богатыря Рустема. Между тем, те немногочисленные былины, в которых Владимир выступает в более привлекательных чертах, по мнению того же Вс. Миллера, менее подвержены иноземному влиянию и сохранили большую историчность.

Стоя на точке зрения аристократического происхождения эпоса, исследователь не мог не видеть противоречия, заключавшегося в том, что Владимир изображался в отрицательном виде околокняжеским окружением, и не умея разрешить его, он обращался к пресловутой теории литературного заимствования.

Между тем дело заключается совершенно в ином. Причины отрицательной характеристики Владимира в отдельных былинах следует искать не в иранском эпосе. Разрешение проблемы кроется в том, что эти былины создавались в более позднюю эпоху, в пору углубляющейся социальной дифференциации в России, когда князья, в том числе и Владимир, утрачивали свою былую популярность в народе, являющемся подлинным творцом эпоса.

Огромный интерес представляет для нас одна из наиболее замечательных былин о «Дюке Степановиче» — необычайно богатом витязе, приехавшем в Киев не то из Галича, не то из «Индии богатой». Традиция связывала происхождение этой былины с социальными верхами, которые, якобы, и были единственно заинтересованы в восхвалении богатства.

Однако, более углубленный анализ этого произведения убеждает нас в совершенной вздорности этого домысла. Дело в том, что богатство Дюка носит слишком ирреальный, гротескно-фантастический характер. Оно здесь выполняет роль своеобразного контрастирующего фона по отношению к князю Владимиру. Необычайное богатство Дюка в сопоставлении с Владимиром принимает образ последнего и развенчивает созданный вокруг него ореол самого богатого, а значит и самого сильного человека.

Это гротескное смещение планов совершенно явно выступает в этой былине в той ее части, где послы-оценщики Владимира несколько раз путают мать Дюка с ее служанками. А в одном из рыбниковских вариантов Дюк, впервые появившись в доме князя Владимира, принимает жену его за... портомойницу. (Рыбников, т. I, стр. 456).

И разве не издевкой по адресу князя звучит исход былины — отправка оценщиков к Владимиру, чтобы он продал стольно-Киев-град на бумагу, а Чернигов-град на чернила и только «тогда можешь Дюково имение описывать». Антикняжеская направленность былины не вызывает никакого сомнения. Кроме того, здесь нельзя не видеть сатиры на другого отрицательного героя былинного эпоса — Чурилу Пленковича, с которым состязается в богатстве Дюк. Двукратная победа последнего усиливала впечатление несомненного превосходства Дюка над Чурилой.

Как бы в подтверждение нашего взгляда на эту былину, Дюк, выиграв состязание с Чурилой и сохраняя последнему по просьбе Владимира жизнь, обращается к нему с издевательской речью:

«Пусть ты князем ты Владимиром
упрошенный,
Пусть ты киевскими бабами
уплаканный,
Не езди с нами со бурлаками,
А сиди во граде во Киеве
Ты во Киеве во граде между бабами». (Рыбников, т. I, стр. 199).

Ор. Миллер, приведя в своей монографии «Илья Муромец и богатырство киевское» это место, недоуменно комментирует 3-ю строку:

«Странное **несозвучное** (!) выражение в **его боярских** (?) устах». (Курсив автора).

Хоть слово **бурлака** и имеет здесь несколько отличную от обычного его употребления семантическую нагрузку, но плебейский его акцент совершенно очевиден.

Симптоматична резко-отрицательная характеристика Дюком Алеши Поповича. Когда намечают послов, чтобы оценить богатство Дюка, последний предупреждает:

«Не посылайте-ка Олешеньки
Поповича,
Ах — его глазишечки поповские,
Поповские глазишечки
завидливы...»[6]

Достаточно лишь сопоставить эту характеристику Алеши с аналогичным отношением к тому же образу со стороны Ильи Муромца (в былине «Застава богатырская»):

«Алешенька рода поповского,
Поповские глаза завидущие,
Поповские руки загребущие
Увидит Алеша на нахвальщине
Много злата, серебра
Злата Алеша позавидует...»,

чтобы сделать вывод о социальной близости Дюка к крестьянскому сыну Муромцу, подтверждаемой общим отношением к одному и тому же отрицательному типу.

Да и вообще показателен самый факт глубокого уважения, которое питает Дюк к крестьянскому сыну Муромцу. В разговоре с Чурилой он заявляет: «Что ты затеял щепить-басить на земле русской посреди ее немощенных улиц и в ее неказистых храмах? Во всем этом я с моим сиротским поселыцем превзойду и тебя, и ваш стольный Киев, а вот перед чем нельзя не склонить головы всему миру — так это перед русским могучим богатырем, единым как солнышко на небе Ильей Муромцем, крестьянским сыном.»[7].

Плебейская окрашенность Дюка выступает совершенно уже обнаженно в другом из многочисленных вариантов этой былины, где в споре между ним и Чурилою сторону последнего принимает киевская «голь»[8].

Любопытнее всего, что сами приближенные Владимира заподозревают Дюка: — Не «холоп» ли он? И то, о чем смутно догадывались бояре князя, оказывается по существу более близким к истине, чем научные догадки некоторых наших современных фольклористов.

Вопрос о былевом эпосе не случайно приобрел сейчас особую остроту и актуальность. Эпос — не только ярчайшая страница русского фольклора. Он является художественным воплощением лучших героических традиций прошлого нашего великого народа в борьбе против его многочисленных внешних и внутренних врагов.

Тем решительнее должна быть отметена вкоренившаяся тенденция монополизировать классический фольклор за социальными верхами, пытающаяся отграничить его от народа, тем самым представить его чуждым нашей современности. Нужно понять, что все эти теории в конечном счете — различные звенья в цепи игнорирования ленинской постановки проблемы об использовании культурного наследия прошлого. Это — методологическая основа порочных изысканий наших фольклористов.

Эпос по своей природе — глубоко народен. Недаром Горький называл образы Святогора, Ильи, Микулы, Прометея, Геракла «гигантскими обобщениями жизненного опыта народа». Народ хотел видеть своих героев сильными, свободными, богатыми. Он вкладывал в них все свои высокие человеческие идеалы, чтобы заставить себя, по выражению Энгельса, «осознать свою силу, свое право, свою свободу»[9].

---

[3] Рыбников, т. II. Стр. 328. М. 1862.

[4] Н. А. Добролюбов. Собр. соч. Гослитиздат. 1934. Т. I, стр. 216.

[5] См., например, показательную для этой концепции статью А. Астаховой — предисловие к сборнику «Эпическая поэзия», серия «Библиотека поэта», 1935 г.

[6] Рыбников, т. I, стр. 200.

[7] Цитируем по Ор. Миллеру «Илья Муромец и богатырство Киевское» стр. 614, СПБ. 1869.

[8] «По нем по Чуриле ругается
По нем по Дюке никто
не ругается
Только голь кабацкая ругается».
(Рыбников, т. II, стр. 148. М. 1862).

[9] Собр. соч. Маркса — Энгельса. Т. II, [illegible]

А. РАГОЗИН

«Прощание» Слонимского

Если бы не «Повесть о Левинэ», М. Слонимский был бы известен советскому читателю как писатель преимущественно одной, неизменно повторяющейся темы — интеллигенция и революция. Этой теме Слонимский посвятил свои наиболее крупные вещи: «Фому Клешнева» и «Лавровых».

Критика уже отмечала, что почти все герои Слонимского совершают приход к революции как-то бездумно, почти бессознательно, подчиняясь овладевшей ими слепой силе.

Такое изображение участия интеллигенции в революции, разумеется, глубоко неправильно. Тем не менее в своей последней книге «Прощание» М. Слонимский снова возвращается к своей старой теме и усугубляет свои прежние творческие ошибки.

«Прощание» значительно слабее прежних его вещей. Эта повесть не имеет сюжета. Она состоит из ряда жанровых сцен, переплетающихся с обрывками нескольких биографий.

Некоторые жанровые сцены сделаны совсем неплохо. Но они не могут спасти повести.

Действие происходит во время Февральской и в начале Октябрьской революции. Центральные фигуры — студент Жорж и гимназистка Мариша. Кроме родственных связей между ними нет ничего общего. Родители Жоржа — старые большевики. Жорж вырос в партийной среде и от всей души ненавидит буржуазный строй. По словам автора, он «не мог участвовать в этой жизни». Нетерпимый ко всем проявлениям слабости, неспособный на малейшие сделки с совестью, Жорж чувствует, что «долго сдерживаться он не сможет». Образ Жоржа импонирует читателю. И когда Жорж, попав в плен, надолго исчезает со страниц повести, читатель ждет его возвращения на родину.

Но Жорж не вернулся. Он живет в Мюнхене, встретил там девушку в розовой блузке, женился на ней и превратился в «убегающего в покой человека»! Это не голословное утверждение автора. Читатель сам убеждается в этом. В дни разгрома Баварской советской республики Жорж провел все время дома, составляя шахматные задачи.

Подобное перерождение Жоржа не может не удивлять читателя. Правда, жизнь показала нам ряд примеров еще более глубокого перерождения. Но когда писатель берется за эту тему, он должен показать, как это произошло, или хотя бы — как оказалось возможным. «Может быть, только одна Клавдия Леонидовна, — признается Слонимский, — не удивилась бы такому превращению».

Напрасное предположение! Клавдия Леонидовна (мать Жоржа), старая большевичка, безусловно удивилась бы этому превращению более, чем кто бы то ни было другой. Правда, в конце повести сообщается, что Жорж все же погиб, участвуя в баварской революции, но это так же не мотивировано, как и превращение Жоржа в обывателя.

Совершенно обратное, но не менее таинственное, превращение происходит и с Маришей. Еще незадолго до революции она «дышала воздухом девичьих романов», бегала на гимназические вечера и балы и радовалась полученным от мальчиков запискам. Серьезные и весьма мрачные друзья Жоржа не имели у нее успеха. Она явно предпочитала им одного фатоватого бездельника. Все это не помешало Марише быстро превратиться из легкомысленной гимназистки в активного работника Петроградского совета.

Но как все это случилось, чему научили Маришу события 1917 года, как нашла она свое место в жизни, этого автор не рассказывает. Он не забывает упомянуть, как Мариша реагировала на первый поцелуй, но не раскрывает, как восприняла она хотя бы июльскую демонстрацию, в которой едва не погибла.

«Страшная боль в пальцах, — пишет Слонимский, — навсегда врезалась в память Мариши, как вся эта дикая сумятица расстреливаемых демонстрантов, как вся боль этого дня». Ну, можно ли этому поверить? Если бы в самом деле в памяти Мариши от июльской демонстрации **навсегда** осталось одно лишь воспоминание об отдавленных пальцах, — Мариша **никогда** не поняла бы и октябрьских дней.

Жорж и Мариша — далеко не единственные персонажи повести, с которыми происходят подобные, рассчитанные на удивление читателя, метаморфозы. Внезапные просветления, или, напротив, затемнения сознания можно наблюдать у многих других действующих лиц.

Некий безымянный унтер переходит на сторону революции. Разумеется, факт этот ничем не примечателен. Таких случаев было десятки тысяч. Но у Слонимского даже этот, казалось бы, совсем обыденный случай, приобретает характер загадочного, чуть ли не мистического просветления.

Унтер находится на излечении в госпитале и целыми днями любуется своим золотым Георгием. С соседом по койке он ведет такие разговоры:

«— Сколько звездочек у штабс-капитана?

— Че-четыре.

— Четыре, господин унтер. Вот как нужно отвечать. А у подполковника, — сколько у подполковника?

— Три, господин унтер.

— А полосок сколько на погоне у подполковника?..»

Нельзя отрицать, что эти несколько строк дают выразительный образ законченного в своей солдатской ограниченности унтера. Читатель предвидит, что в октябрьские дни унтер сохранит верность четырем звездочкам своего штабс-капитана. Ничуть не бывало! Чудесное просветление осеняет унтера здесь же в госпитале. Ночью умер его сосед по койке, и унтер, видимо, потрясенный этой смертью больше, чем тысячами смертей на фронте, выбрасывает своего Георгия. Все это, быть может, эффектно, но, к сожалению, никак не мотивировано. И унтер так и уходит из госпиталя, унося с собой тайну своего перерождения.

Впрочем, для одного из героев повести Слонимский делает исключение. Он раскрывает самые затаенные его мысли. Это — подпоручик Смурый, который в самом начале повести рассказывает о своих подвигах на фронте, «сам пугаясь фантастического вранья, которое перло из него». Этим собственно и ограничивается первоначальное знакомство читателя с подпоручиком. Но для характеристики доблестного «героя», разумеется, и этого достаточно.

Вторично подпоручик Смурый появляется на сцене в октябрьские дни. В рядах революционных войск он принимает участие в оцеплении Невского проспекта. Как он попал в лагерь революции — он и сам не понимает. И вот здесь, стоя в оцеплении, он «мучительно обдумывал собственное свое поведение».

Читателю, конечно, не безынтересно узнать, какие мысли довели подпоручика до лихорадочного состояния. Автор не скрывает этих мыслей. Оказывается, «пустяки теснились в мозгу, не желая уступить место громаде событий: какая-то с детства поселившаяся в голове нарядно убранная елка, гимназисточка, чуть сжавшая его пальцы на выпускном балу, и чорт его знает еще какой вздор!» И этакие вот мысли Слонимский называет «мучительным обдумыванием собственного поведения».

Подпоручик, может быть, и на самом деле полагал, что обдумывает таким способом свое поведение. На то он и подпоручик. Но писатель должен же правильно оценить этакое «обдумывание».

Не следует думать, что все эти невероятные пробелы в характеристике героев вызваны особой лаконичной манерой письма автора. Отнюдь нет! Автор лаконичен только тогда, когда касается внутреннего мира своих героев. Во всех остальных случаях он необычайно обстоятелен.

Описанию домашней обстановки мастера Кельгрена — случайного человека в повести — Слонимский уделяет почти столько же места, сколько всем впечатлениям Мариши от июльской демонстрации.

Рассказывая, как один из персонажей пьет водку, Слонимский не пропускает ни одной подробности: «Он неловко хлебнул водки, поперхнулся, икнул и прикрыл рот рукой. Справился, допил и закусил еще». Описывая дорожные впечатления Мариши, он добросовестно передает: «Меж деревьев мужик с бабой ведут корову. Мужик тянет корову за рога, а баба толкает сзади. Корова мычит, упирается, поворачивает домой. Баба плачет криком, а мужик молчит и не оборачивается. Лицо у него тупое, деревянное. Так они долго тянули корову. Потом отстали».

Таких ненужных подробностей в повести чрезвычайно много. И наряду с этим там нет даже попытки анализа поведения героев. В результате получается беспорядочное нагромождение жанровых сцен, из которых никак не получается повести.

Неудача Слонимского предопределена его отношением к своей теме. Элемент случайности не играл и не мог играть в революции той роли, какая ему отведена в «Прощании». Люди действительно переходили из одного лагеря в другой, и иногда, для поверхностного взгляда, такие переходы на самом деле вызывались случайными поводами.

Но за каждым случайным поводом всегда скрывался долгий внутренний процесс. Слонимский совершенно не раскрывает этих внутренних процессов. Поверхностные, упрощенные зарисовки, вместо глубокого, серьезного всестороннего раскрытия темы, определили неудачу повести «Прощание».

М. Слонимский, Прощание. Повесть. Госуд. изд. «Художественная литература», Ленинград, 1937, 156 стр., ц. 2 р. 50 к.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1857 год
Вышел «Колокол» Герцена

Герцен вырвался из царской России за границу в 1847 году. Первые же его публицистические выступления против царизма и крепостничества закрыли ему возможность возвращения на родину. Вскоре Герцен решил навсегда остаться за границей с тем, чтобы создать хотя бы и зарубежную, но свободную русскую печать.

В 1853 году в Лондоне начала работать организованная им «Вольная русская типография». Не сразу удалось наладить транспорт литературы в Россию. «Печатая лист за листом,— вспоминал впоследствии Герцен, — и ссыпая груды отпечатанных брошюр и книг в подвалы Трюбнера, я почти не имел возможности переслать что-нибудь за русскую границу... Глупо пропадавший труд утомлял, руки опускались».

В оставшемся на родине круге друзей Герцен на первых порах также не находил поддержки своему делу. Осенью 1853 года в Лондон приехал повидаться с ним М. С. Щепкин.

— Какая может быть польза от вашего печатания? — говорил он, высказывая не только свое личное мнение. — Одним или двумя листами, которые проскользнут, вы ничего не сделаете, а Третье отделение будет все читать да помечать; вы сгубите бездну народа, сгубите ваших друзей.

— Однакож, — возражал Герцен,— до сих пор бог миловал, и из-за меня никто не попался.

— А знаете ли вы, что после ваших похвал Белинскому об нем запрещено говорить в печати?

Щепкин упорно пытался убедить своего друга прекратить публицистическую деятельность.

— Поезжай в Америку, — предлагал он, — ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда года через два-три мы начнем работать, чтобы тебе разрешили в'езд в Россию.

Герцен не внял этому совету.

— Я в Америку не поеду, — твердо отвечал он,—я в Россию при этом порядке дел тоже не поеду, печатать я буду, — это единственное средство сделать что-нибудь для России...

В 1855 году, помимо книг и брошюр, Герцен приступил к изданию периодического органа «Полярная звезда». К этому времени не только русские, но и германские и французские жандармы были уже не в силах задержать распространение герценовских изданий. Особенно же большой успех выпал на долю «Полярной звезды».

Но «Полярная звезда» выходила слишком редко. Нужен был не ежегодный, а по крайней мере ежемесячный орган, быстро и чутко откликающийся на все происходящие события. Вместе с приехавшим в Лондон Огаревым Герцен решил приступить к изданию такого журнала. В апреле 1857 года вместе с третьим номером «Полярной звезды» читатели получили следующее об'явление:

«Полярная звезда» выходит слишком редко, мы не имеем средств издавать ее чаще. Между тем события в России несутся быстро, их надобно ловить на лету, обслуживать тотчас. Не определяя сроков выхода, мы постараемся ежемесячно издавать один лист, иногда два, под заглавием «Колокол».

В этом же об'явлении указана была и программа, за осуществление которой будет бороться «Колокол». В основу этой программы Герцен положил три пункта:

Освобождение слова от цензуры.

Освобождение крестьян от помещиков.

Освобождение податного состояния от побоев.

Восемьдесят лет назад — 1 июля 1857 года — вышел первый номер «Колокола». Успех журнала в России был необыкновенный. «Vivos voco» (зову живых) было напечатано на первой странице, под заголовком. И действительно голос «Колокола» был услышан всем передовым русским обществом. Герцен привлек к участию в журнале Тургенева, Кавелина, И. С. Аксакова, Кошелева, Белоголового, Боткина, и благодаря им был широко осведомлен обо всем, что делалось в России. «Горчаков, — рассказывал Герцен, — с удивлением показывал напечатанный в «Колоколе» отчет о тайном заседании Государственного Совета по крестьянскому делу.

— Кто ж, — говорил он, — мог сообщить им так верно подробности, как не кто-нибудь из присутствовавших?

Удары «Колокола» были страшны министрам, губернаторам, всем царским чиновникам.

«Колокол» читали в университетах, в редакциях, он проникал в канцелярии. Содержание каждого номера становилось известным десяткам тысяч людей, даже если они никогда и в руках не держали этого журнала. Сам Александр II систематически читал «Колокол» и даже распорядился доставлять его членам комиссии, разрабатывавшей проект освобождения крестьян. К Герцену из России началось подлинное паломничество. Почти каждый русский, выезжавший за границу, считал своим долгом посетить Герцена. Приезжали к нему по разным поводам Чернышевский, Тургенев, Катков, Чичерин, Писемский, бр. Ростовцевы и др.

Первое время в «Колоколе» сказались либеральные шатания Герцена. Он обращался к «верхам». «Мы просто люди, глубоко убежденные, что нынешние государственные формы России никуда не годны, — писал он, — и от души предпочитаем путь мирного человеческого развития». Герцен верил тогда в Александра II и неоднократно обращался к нему с призывом разогнать окружающих его казнокрадов и взяточников. «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, — отмечал Ленин, — были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму».

Эти иллюзии были, однако, недолговечны. Сколько горечи и разочарования вложил вскоре Герцен в свое обращение к крестьянам:

«О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!.. как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским Синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь под'ячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... Не верь им! Царь с ними, и они его...».

«Колокол» вначале обращался к царю, к царским сановникам, к оставшимся в России друзьям Герцена — кружку богатых, либерально настроенных дворян. Но разбудил он новое поколение. «Герцен, — писал Ленин, — развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского».

За десять лет (1857—1867) вышло 245 номеров «Колокола». Трудно переоценить значение этого органа в развитии революционно-демократического движения в России. «Колокол» был первым свободным общедемократическим органом в России, он встал горой за освобождение крестьян, он поддержал польское восстание 1863 года против царизма, он об'явил беспощадную войну всему общественному устройству царской России.

В этом его огромная историческая заслуга. И каковы бы ни были колебания Герцена, «справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом демократ все же брал в нем верх» (Ленин).

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК ПРОЛЕТАРИАТА

Заседание Академии наук памяти А. М. Горького

Может показаться странным, что в той обильной литературе, которая существует о величайшем художнике пролетариата, почти нет обобщающих исследований о влиянии русских классиков на Горького и о месте Горького в истории русской литературы.

Интересной попыткой такого рода исследования явился большой, хорошо документированный доклад **В. Десницкого** на заседании Академии наук, посвященном первой годовщине со дня смерти А. М. Горького.

Докладчик сумел показать, что Горький обращался к великому культурному наследству прошлого как полновластный хозяин, как боец, умевший опереться лишь на те элементы наследства, которые уводили от пассивности, от мнимой сложности и надрывов в сторону пушкинской ясности и простоты, помогали утвердить действенное отношение к жизни.

Неоднократно Горький вступал в прямую перекличку с величайшими гениями русской литературы, а иногда и в некое соревнование. Достаточно вспомнить потрясающее описание Ходынки в «Жизни Клима Самгина». Эти страницы, по мнению т. Десницкого, являются, безусловно, ответом на толстовское описание той же Ходынки. Победителем из этого соревнования вышел Горький.

Органическая связь с лучшими, благороднейшими традициями русской литературы и влияние рабочего класса, из недр которого Горький вышел и с которым он никогда не порывал ни на одну минуту, сформировали того грозного борца за коммунизм, каким человечество знало великого писателя. Это же помогало Горькому до конца жизни сохранить удивительную свежесть чувства, необычайную силу и остроту мысли, творческое вдохновение.

Лучше всего свидетельствует об этом заявление самого Алексея Максимовича в его статье «О кочке и о точке» (1933 г.):

«Молодым людям покажется смешным, если я, старик, сознаюсь, что пишу сейчас в том настроении, которое на утренней заре культуры позволяло людям создавать неувядаемые поэмы, легенды».

Прав В. Десницкий, когда он утверждает, что так мог сказать только художник, активно участвующий в социалистической стройке, только человек коммунистической морали, коммунистической убежденности.

★

О глубочайшей связи с народом свидетельствует не только вся идеология Горького, но и его постоянное обращение к фольклору, его удивительное, не имеющее аналогии в русской литературе, знание этого фольклора.

Профессор **Н. Пиксанов**, выступивший с докладом на эту тему, посвятил в свое время, года два назад, специальную брошюру этому вопросу. Но в свете новых, недавно обнаруженных материалов, эта брошюра уже кажется устарелой. Установлено, например, что сам Горький уже в юношеские годы в некоторой степени «профессионализировался» как сказитель легенд, используя тот опыт, который дали ему личные наблюдения и встречи того периода.

Выяснилось также, что Алексей Максимович был одно время регентом в нижегородском хоре. Много образцов фольклора, как известно, знала его бабушка, увековеченная в «Детстве»; огромное количество народных песен и сказаний собрал Горький в годы своих скитаний «по Руси». Писатель аккуратно записывал лучшие произведения народного творчества, но почти все эти записи пропали: то полиция отбирала при обысках и арестах, то научные учреждения, куда он направлял свои тетради, небрежно сваливали их в свои архивы, где они бесследно исчезали.

Повинна, между прочим, в пропаже об'емистой тетради с фольклорными записями Горького и Академия наук дореволюционного периода.

Только благодаря изумительной памяти Алексея Максимовича многие образцы фольклора сохранились для будущих поколений. Произведения Горького насыщены этими образцами исключительной художественной силы. Здесь и так называемые «босяцкие» песни, и «жестокие» романсы, и причитания, и «житийные легенды», и антицерковные песни, и сатирические частушки и т. д.

Но не только словесный материал привлекал внимание писателя. Он дал и незабываемые описания народных плясок, свадебных обрядов, хоровых и сольных выступлений народных певцов.

Колоссальный интерес проявлял Горький к творчеству других народов России: цыган, татар, башкир и т. д.

Такая близость к фольклору не могла, конечно, не влиять на творчество Горького. Она обогащала его словарь, помогла ему выработать афористический стиль языка, определила музыкальное построение многих рассказов. На это обратил в свое время внимание и Чехов в письме к А. М. Горькому.

Горький и фольклор — тема заманчивая и сложная. Ее необходимо разработать всесторонне. Это принесет огромную помощь советским писателям и критикам.

★

С большим интересом был выслушан доклад **С. Балухатого** «Драматургия Горького». Докладчик исходил из того положения, что интерес Горького к театру и драматургии был не случайный. Об этом свидетельствует уже один тот факт, что никто из русских писателей, за исключением Островского, не дал такого количества пьес, как Горький.

Своеобразие приемов горьковской драматургии, социальная заостренность ее содержания и характеристик отпугнули в свое время многих буржуазных критиков и театральных деятелей. Только после революции в полном блеске раскрылась идейная и художественная сущность пьес Горького. Недаром так велик интерес зрителей к ним.

За четыре с половиной года театры СССР показали **9600 постановок** горьковских пьес. Это ли не свидетельствует лучше всяких слов о колоссальной жизненности драматических произведений великого пролетарского писателя?

С. Балухатый подчеркивает необходимость более углубленного изучения драматургии Горького, так как до последнего времени она оставалась неисследованной областью.

При этом особенное внимание должно быть уделено изучению теоретических взглядов писателя, его высказываний о драме как словесном искусстве, о темах и характерах в драме, о драматической форме, так как эти суждения дают ключ к правильному пониманию всех особенностей горьковской драматургии.

Я. РОЩИН

Горьковская декада

Посетители центрального парка культуры и отдыха им. Горького активно участвуют в конкурсе **на лучшего чтеца** произведений Горького.

Многочисленные читатели, знающие наизусть рассказы Горького, тут же заявляют о своем желании принять участие в конкурсе.

В культбазе ежедневно с 18 по 30 июня проводятся посвященные Горькому вечера, организованные при участии отдельных секций ССП СССР.

Так, при содействии секции драматургов был устроен **вечер, посвященный драматургии Горького.**

С большим успехом прошел **вечер воспоминаний** о работе Горького с писателями.

Поэтическая секция ССП организовала вечер **«Поэты и Горький».**

Секция национальной литературы провела лекцию на тему **«Горький и литература народов СССР»**, секция фольклора — **«Горький и народное творчество».**

Сегодня предстоит вечер иностранной комиссии ССП на тему **«Горький и мировая литература».**

Горьковская декада вызвала огромный интерес трудовых масс столицы и показала, как дорога им память о великом писателе. Этого нельзя, к сожалению, сказать о некоторых писателях, нарушивших свое обещание принять участие в декаде.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Литфонд взыскивает ссуды

Новое правление Литературного фонда СССР **приступило к взысканию с писателей ссуд, срок возвращения которых давно истек.**

Злостным должникам разосланы специальные письма.

Кроме того, член правления Литфонда т. Н. Погодин и директор Литфонда т. Оськин лично беседовали с отдельными писателями, которые до сих пор не считали для себя обязательным возвратить полученные ими ссуды.

Первые мероприятия правления Литфонда возымели свое действие: за непродолжительный срок Литфонду возвращено **72 тысячи** рублей.

Цифра, правда, ничтожная по сравнению с суммой писательской задолженности на 1 июня: **1.400.000 рублей.**

На последнем заседании правления Литфонда **решено временно прекратить выдачу ссуд до погашения писателями задолженности.**

Некоторым «маститым» писателям будут еще раз разосланы письма с указанием на то, что их беспечность в вопросе возврата ссуд лишает других писателей возможности получить у Литфонда материальную поддержку.

Партизанка — работа скульптора **Вучетич** (советский павильон на Международной Парижской выставке).

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

«По щучьему велению» в Государственном театре кукол

Мы до обидного мало знаем и вяло пропагандируем многие достижения нашей культуры и искусства.

Лишним подтверждением этого факта может явиться то гробовое молчание, которым окружена работа Государственного театра кукол, руководимого С. Образцовым. А между тем это работа смелого, умного и талантливого экспериментатора, работа энтузиаста, влюбленного в свои куклы, борющегося за возрождение — на более широкой основе и при помощи расширенного арсенала художественных средств — традиций народного «Петрушки».

Мало кто знает, какие серьезные победы одержаны Государственным театром кукол на этом пути. Мы видели, как смущены и поражены были все участники недавнего всесоюзного совещания детских театров, и в том числе руководители Комитета по делам искусств, когда Образцов продемонстрировал им свою последнюю постановку «По щучьему велению» (автор — **Е. Тараховская**).

Это была своего рода сенсация. Никто из присутствовавших — а ведь это были люди большого театрального опыта — не представлял себе, что так далеко шагнула у нас техника кукольного представления, что так велики и многообразны возможности использования кукол как средства политического и эстетического воспитания детей (да, впрочем, и взрослых).

В сказке о Емельке, который мог «по щучьему велению» творить любые чудеса, постановщики **Образцов и Ушакова** нашли прекрасный материал для живописного спектакля, насыщенного поэтической выдумкой и подлинным юмором. По «щучьему велению» ведра сами идут, до краев наполненные водой, сани несутся вскачь без коней, деревья зимой зацветают розами, по «щучьему велению» из-под земли вырастают лисья шуба для матери Емельки, меду колода, молока жбан и капусты кочан для его друзей — мишки, лисички и зайки и т. д. Технически это разрешено блестяще, с удивительной легкостью и изяществом.

Но не следует думать, что постановщики увлеклись чудесами как таковыми и начинили ими спектакль без толку и без смысла. В представлении есть четкая идейная и сюжетная линия, и ей подчинены все частности замысла. Этот замысел свидетельствует о тонком проникновении в дух сказки, в которой нашла свое выражение извечная мечта народа о счастьи, неиссякающий оптимизм народа, его презрительное отношение к паразитирующим классам.

Зритель с возрастающим сочувствием следит за сценами, где на переднем плане — Емелька: они согреты глубокой человечностью, в них удачно использован фольклор, народная шутка, лирические мелодии (композитор **Кочетов**), что позволяет сильнее оттенить положительную, народную линию сказки.

В другом плане разрешены «дворцовые» сцены, а также сцена военной экспедиции, снаряженной для поимки Емельки. Здесь театр стал на путь сатиры, язвительной пародии, обнаружив и в этом направлении исключительную изобретательность. В первую очередь эта изобретательность сказалась в подборе кукол, участвующих в представлении. В облике кукол, в их движениях, манере «речи» прекрасно схвачены типичeские черты изображаемых ими персонажей.

Здесь соединилось воедино высокое мастерство художников (**Образцова и Терехова**), постановщиков и актеров (**Росфельд, Воскобойникова, Самодур** и др.), управляющих куклами. Последние оказались до такой степени «очеловеченными», что вместе с Образцовым начинаешь верить в возможность создания серии больших спектаклей, о которых мечтает этот неутомимый, своеобразный мастер, еще не оцененный по достоинству ни критикой, ни руководящими театральными организациями.

ДЕЛЬМАН

С. ЧИКОВАНИ и М. РЫЛЬСКИЙ

Поэма Руставели на украинском языке

Культура художественного перевода, в частности стихотворного, в советской литературе стоит на значительной высоте.

В результате появления полноценных переводов поэзия каждого народа, входящего в Советский Союз, становится всеобщим достоянием. Это— одно из ярких проявлений дружбы народов Союза, которая расцвела на основе побед ленинско-сталинской национальной политики.

Наши классики — Пушкин, Шевченко, Руставели — по-новому начинают звучать в литературе братских народов, и их произведения дают новый творческий импульс современным поэтам. Речь идет, конечно, не об эпигонстве, не о голом и слепом подражании, а о критическом освоении великого наследия, о преломлении его сквозь призму наших великих дней и индивидуальности каждого из наших художников слова.

Перевод с грузинского языка на украинский знаменитой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», сделанный М. Бажаном, бесспорно занимает особое место в нашей литературе.

Поэт М. Бажан еще с 1929 года начал подготовительную работу. Он ознакомился как с современной Грузией, так и с ее культурным прошлым. Бажан не только изучал текст поэмы, но и знакомился с историей страны, посещал разные уголки Грузии, внимательно присматривался к памятникам материальной культуры (архитектура, фресковая живопись, орнаменты, народная музыка), знакомился с нравами и бытом, непосредственно общался с работниками искусства и советской общественностью. (Все это, кстати сказать, отразилось и на личном творчестве т. Бажана, обогатив его поэзию рядом новых мотивов).

После такой предварительной работы М Бажан приступил к изучению текста при помощи лучших знатоков Руставели.

Два года творческой работы поэт целиком посвятил переводу. Нужно отметить, что это первый поэтический перевод, действительно близко стоящий к оригиналу. Авторы этих строк имели возможность вместе с грузинскими специалистами по Руставели сравнить перевод с оригиналом и убедиться в безусловной смысловой близости между переводом и оригиналом.

Поэтический перевод Бажана не имел предшественников, которые могли бы ему облегчить работу. (Не говорим здесь о современных Бажану русских переводах Петренко и Цагарели). Работу К. Бальмонта нельзя считать переводом, — сам Бальмонт называл ее перепевом руставелевского сюжета. И поэтому перед Бажаном стояли не разрешенные до него задачи.

В переводе Бальмонта поэма Руставели приобрела облик сказки (это было отмечено т. Заславским в «Правде»). Всю философскую концепцию Руставели Бальмонт смазал.

Бальмонт-переводчик, как известно, всегда сильно «бальмонтизировал» переводимые им вещи, окрашивал в свои, подчас несколько банальные, слащавые, неестественные тона.

«Витязь в тигровой шкуре» является произведением раннего ренессанса. Это философский роман в стихах, корни которого уходят в греческую классическую философию. Как доказывают наши исследователи, поэма является отчасти поэтической реализацией взглядов Иоанна Петрицкого (Петрици, или Петрицкий — грузинский философ XI столетия, неоплатоник). Необходимо отметить, что сказочный элемент, свойственный средневековому роману, доведен у Руставели до минимума.

Здесь же необходимо отметить, что в эпоху Руставели «Одиссея» и «Илиада» Гомера были хорошо известны в Грузии. Нужно полагать, что на Шота Руставели, получившего образование в Греции, несомненно влиял гомеровский эпос. Облик героев поэмы — Автандила и Тариэля — напоминает в некоторых чертах героев Гомера.

Иллюстрация **Кабуладзе к** поэме **Шота Руставели** «Витязь в тигровой шкуре».

Автандил является выразителем философских идей Руставели. Поэма — не только художественный сказ о любви, рыцарской дружбе и верности: поэт дает философское обоснование этих чувств и ставит перед читателями задачу совершенствования человека для слияния его с высшей гармонией мира.

В своем завещании Автандил говорит:

> «Мы просвещаемся для того, чтобы слиться с высшей гармонией мира».

По-украински это звучит так:

> «Ми вчимось, щоб дух наш линув до гармонії висот».

Мы подчеркиваем это потому, что завещание Автандила и вся поэма в целом пронизаны одной философской концепцией.

Для более выпуклого выражения своих идей Руставели прибегает к поэтическим афоризмам, которые бытуют сейчас в народе.

М. Бажан с большим вниманием отнесся именно к этой особенности поэмы. Он замечательно передал на украинском языке завещание Автандила — с полным соблюдением величавости руставелевского стиха. Он прекрасными чеканными стихами передал все афоризмы, разбросанные в поэме:

Приводим некоторые примеры:

...Хто кохае, той красою мусить сонячно сіять..
...Знак найвищої любові — почуття свої таїти...
...Що зберіг — згубив навіки,
що роздав — твое до гроба...
...Лiпша смерть, достойна слави, ніж зганьбоване життя...

В письме Нестан-Дареджан лиризм Руставели достигает вершин величайшего мастерства. Это письмо является гимном самоотверженной любви, проникнуто чувством глубочайшего лиризма и выполнено Руставели удивительно чеканными и мелодичными стихами. Это место мы считаем весьма трудным для перевода, но М. Бажан с честью вышел из положения, показав чудесную музыкальность оригинала:

...Як же ти, частинко сонця, лишиш сонце милозоре?
Злинеш ти до нього, леве, зодіаку світла зоре! —
Там, на сонці, — наша зустріч, там осяеш серце хворе,
Буде смерть мені солодка, бо життя — гірке й суворе...
Я, тобі віддавши душу, розіб'ю життя кайдани, —
Лиш любов в серцях сховаем ми, навічні милодани.
Горе! Спогади про тебе рани змножують на рани, —
Ради нашої любові не вбивайся, мій коханий!

Здесь же необходимо отметить, что герои Руставели — не сентиментальные плаксы, а люди больших переживаний, и их слезы ничуть не снижают их мужества и твердости. Само собой напрашивается сравнение Тариэля с гомеровским героем Ахиллесом, оплакивающим своего друга Патрокла.

Бажан хорошо передал эту особенность героев Руставели, и потому поэма в его переводе звучит героически.

Для понимания всей поэмы большое значение имеет вступление, где поэт выражает свои взгляды на мир, дает определение поэзии и ее задач. Высшим поэтом он считает поэта-мудреца, который достиг подлинного величия в своих творениях. Бажан сделал несколько переводов вступления; в последнем варианте он сумел точно передать оригинал. Приводим четыре строки о поэзии:

Віршування споконвіку мудрих дум галуззя гоже,
Людям корисно — побожно віщування слухать боже,
І тоді в натхненних душах втіха й радість переможе.
Тим вірш добрий, що він стисло довгу мову викласть може.

Сам Бажан является поэтом философского направления. Это помогло переводчику передать философский замысел поэмы Руставели.

Поэзия Руставели характеризуется монументальностью поэтического рисунка, роднящей ее с греческим искусством. Вместе с тем отдельные картины ее исполнены в духе восточных арабесок (Персия и Аравия).

Эти нюансы нужно было сохранить, и нам кажется, что в появлении Тариэля или в описании охоты эта монументальность достигнута переводчиком.

...Позбігались, у тлумище позбивавшись незугарне,
Дикі кози і олені й високострибучі сарни.
Їх ганяв слуга й владика — о, видовище прегарне!
Ось невтомні руки й луки, — і стріла не йде намарне.
Сонця промені затьмарив копитами збитий порох,
Звіря били, кров точили по долинах неозорих,
І приносили їм слуги купи стріл метких та скорих.
Здобич зранена валялась по лісах, по темних зворах...

Поэма Руставели выполнена высоким и низким шаири, что равнозначаще мажору и минору в музыке. Это чередование в тексте подлинника нужно автору, чтобы создать определенный звуковой фон для поэтической мысли и внести разнообразие в ритм.

Передача этой особенности на славянские языки является очень трудной задачей. Бажан разрешил эту задачу очень умело, трезво учитывая стиховые возможности и особенности украинского языка.

Поэтому в его переводе дактилические рифмы выпали, вместо дактилических и женских рифм подлинника появились женские и мужские рифмы. В конечном счете это дает эффект, аналогичный эффекту, достигаемому в грузинском оригинале.

Наиболее трудной задачей для переводчика была передача на украинский язык понятий, относящихся к области материальной культуры грузинского средневековья.

М. Бажан проявил большое знание сокровищницы украинского народного языка и передал весь поэтический инвентарь Руставели. Переводчик удачно и правильно избег чрезмерной архаичности и приблизил язык Руставели к живому народному языку, не допустив вместе с тем вульгаризации слова. Восточная пышность метафор, торжественная приподнятость тона всей поэмы переданы очень удачно, без излишнего напряжения и ненужной вычурности.

Работа М. Бажана является большим вкладом в украинскую и грузинскую культуру. Еще одна драгоценная жемчужина прибавляется в поэтический венец Руставели.

Работа М. Бажана — новое свидетельство того, что наши достижения в области культуры слова, культуры перевода — неоспоримы, что их значения нельзя преувеличить.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва. Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.
Издательство: Москва. Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоченный Главлита № В — 29606.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.